

Михаил Палев

Тайна Животворящего Креста

Артефакт & Детектив

Михаил Палев

Тайна Животворящего Креста

«Палев Михаил»

2011

Палев М.

Тайна Животворящего Креста / М. Палев — «Палев Михаил»,
2011 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-49250-3

В семье Липатовых из поколения в поколение передаются две реликвии — нательный крестик из черного дерева и древняя рукопись на венецианском языке, по преданию, написанная их предком Джованни Тозо. Она рассказывает о несметных сокровищах, среди которых ларец с частицами давно утраченного церковью Животворящего Креста, а ключ к нему — тот самый черный крестик. Многие поколения Липатовых искали ларец, но никто не смог его найти. И вдруг у них появились неведомые конкуренты: неизвестный похитил крестик у академика Липатова, а сам он умер — якобы от разрыва сердца. Возможно, удача в поисках клада улыбнется его племяннику Владимиру, ведь предание гласит, что обретение Животворящего Креста произойдет именно в этом году...

ISBN 978-5-699-49250-3

© Палев М., 2011
© Палев Михаил, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Палев

Тайна Животворящего Креста

Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящи Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знаменем, и в веселии глаголящих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшего и поправшаго силу диаволю, и даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата. О, пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки веков. Аминь.

Молитва Честному Кресту

Пролог

– Народ совсем оборзел! Ездят, словно по пустыне, в которой полбедуина и четверть верблюда на один квадратный километр. Я понимаю, когда за рулем «Лексуса» блондинка в золоте и бриллиантах: ясно, что права она купила, а водить забыла научиться. Но если человек за рулем грузовика, то он по определению профессионалом должен быть, – так ведь нет! Практика показывает, что именно таких профессионалов и надо опасаться в первую очередь! Ну, чем не парадокс?

– Точно так! – согласился мой собеседник, мужик лет пятидесяти потертоинтеллигентного вида. – Я тебе так скажу: это все дерьмократы своей перестройкой народу мозги отшибли!

– Вот и я об этом, – подтвердил я, вдаваясь в воспоминания. – Помню, как в году эдак девяносто третьем шел я на рынок, что был на пересечении Алтуфьевского шоссе с улицей Пришвина.

– Годы были голодные: разгул окончательно победившего дикого капитализма и не менее дикой демократии, – прокомментировал собеседник. – Ужас! Кстати, меня Сергей зовут.

– А меня – Мечислав, можно просто Слава, – ответил я, пожимая Сергею руку, и продолжил: – Да, времена голодные были. Я тогда в авиационном бюро работал, начальником конструкторской бригады – двенадцать конструкторов в подчиненных, между прочим! – так у меня зарплата была в долларовом эквиваленте без учета налогов аж сорок пять «вечнозеленых общемировых ценностей» в месяц. С семьей на такие деньги после уплаты коммунальных платежей можно было впроголодь прожить не больше недели. Потому приходилось подрабатывать: я, начальник конструкторской бригады, после работы ехал в Мытищи ремонтировать магазин за пять долларов в час. Дышал в подвале краской, пылью и сыростью – и почитал за счастье такую подработку! Такие вот времена тотальной свободы... Да что я говорю?! Ты и сам знаешь!

Сергея печально покивал головой.

– Что тогда было хорошо, так это то, что появилось много отличных книг, – вдохновенно вспоминал я. – И вот однажды понадобилась мне под книги новая книжная полка. А купить – денег нет. Решил я на рынке приобрести доску и соорудить из нее. И отправился на рынок, где по тем временам торговали всем: от досок до водки. Так вот, стою я на перекрестке, жду появления «зеленого человечка» на светофоре, а слева к перекрестку несется грузовик с пиломатериалом. Хорошо так несется – под сто километров, на каждой неровности подпрыгивает. А в те времена неровностей на дорогах было гораздо больше, чем «ровностей», так что грузо-

вик трясется, словно в лихорадке. И вот, проезжая мимо меня, грузовик попадает колесом в особенно глубокую неровность, подпрыгивает – и из кузова вылетает доска! Хорошая такая доска: дюймовая, сантиметров двадцать пять шириной и длиной больше двух метров. Вылетает и буквально в полуметре от меня втыкается в газон! Полметра левее – и точно в голову пришлось бы.

– Повезло! – заметил Серега. – На полку такая доска идеально подходит. Тем более на халяву. Подобрал доску?

– Ха! Как бы не так! – грустно отвечивал я. – Пока я стоял, впад в кратковременный ступор после пережитого, какой-то мужик ее схватил и исчез вместе с ней. Так что пришлось доску для полки покупать за свои деньги. Вот так!

– Но у нас сейчас не тот случай, – возразил Серега, кивая на лежащего неподвижно в десятке метров от нас покойника. – Этот сам бежал через дорогу, не глядя по сторонам. Водила тут ничего не мог поделать!

– Ну, это уж гайцы выяснят, – заметил я и глянул на часы. – Пора бы им появиться! Кстати, и пешеходы сейчас тоже словно очумели. Еще понятно, если пьяный или обдолбанный, так нет же: абсолютно нормальные люди ведут себя как под гипнозом, словно не слыша и не видя того, что творится вокруг. Тут вот недавно ужасный случай произошел: мужик совсем молодой, сорок лет, переходил железную дорогу абсолютно трезвый и попал под поезд. Актер, только-только в популярном сериале снялся – и вот так... Ужасно! Может, видел его по телевизору? Имя прибалтийское такое: Армандс Нейландс-Яунземс.

– Ну как же! Он же в сериале «Знахарь» играл! – вспомнил Серега. – Этот самый доктор, до того, как ему пластическую операцию сделали. Так?

– Точно! – кивнул я.

– Неужели правда?! А я не слышал о его смерти. Жаль мужика! Такой талантливый, жить да работать, а вот ведь... – огорчился Серега.

– Вот так вот... – печально вздохнул я.

– О! Вроде менты подъехали, – оживился Серега. Действительно, из переулочка выехала милицеевская машина с мигалкой. Вылезший из нее старший лейтенант осматривал лежащее на проезжей части тело, поговорил с невезучим водителем сбившей человека «Лады-Калины» и подошел к нам.

– Вы свидетели? – деловито осведомился он, открывая планшет.

– Да, – хором ответили мы с Серегой.

Записав наши паспортные данные, старлей принялся оформлять протокол.

– Как произошел наезд? – спросил он меня.

В памяти всплыли детали ужасного происшествия, и я невольно поежился. Как произошел? У меня на глазах. Похоже, теперь мне это все будет ночами сниться.

* * *

Я люблю на досуге прогуляться по центру Москвы. Что бы ни говорили об «изуродованном Лужковым» историческом центре города, но надо отдать должное прежнему мэру: наконец тут можно спокойно прогуляться, не опасаясь быть убитым внезапно отпавшим куском штукатурки от обветшалого «исторического памятника, находящегося под охраной государства». Да от таких «памятников» впору самих граждан охранять! А что касается «новодела», то ни один созданный по индивидуальному проекту новодел не может испортить вид города так, как портят его воткнутые на Садовом кольце унылые стандартные кирпичные, блочные и панельные жилые многоэтажки времен «развитого социализма». И при всем моем прохладном отношении к творчеству Церетели я категорически против переноса его монументальных творений вроде памятника Петру Великому или «памятника грузинскому языку» возле Тишинки.

Когда-то передовые французские мыслители ужасались уродству Эйфелевой башни, ставшей позже символом Парижа. ИМХО, разумеется...

Так вот, проходя по одной центральной, но не очень оживленной московской улице, я стал свидетелем ужасного происшествия. Из подъезда дома, едва не сбив меня с ног, внезапно выскочил мужчина лет тридцати и стремглав бросился на противоположную сторону улицы.

Визг тормозов, глухой удар... Я ошеломленно созерцал выехавшую на тротуар «Ладу-Калину» и лежащее на проезжей части тело. К пострадавшему немедленно бросились двое прохожих, но тот явно уже не нуждался в помощи: неестественно вывернутая шея и неподвижный взгляд широко раскрытых глаз наглядно свидетельствовали о том, что несчастный умер мгновенно, сломав себе шею при падении на мостовую.

Несмотря на пережитое потрясение, от моего взгляда не укрылся тот факт, что после удара из руки потерпевшего вылетел какой-то предмет. Мне показалось, что это были ключи от машины с иммобилайзером. Поскольку на противоположной стороне улицы стоял серый седан, то у меня сложилось впечатление, потерпевший спешил именно к этой машине. Опасаясь, что какой-нибудь нечистоплотный субъект завладеет ключами и, пользуясь случаем, угонит чужую машину, я поспешил на другую сторону улицы. Искомый предмет лежал между тротуаром и колесом машины. Склонившись над ним, я с удивлением обнаружил, что это вовсе не ключи с иммобилайзером, а деревянный крестик на шелковой нити. Я поднял его и принялся с интересом рассматривать. Несомненно, крестик был именно тем предметом, что вылетел из руки потерпевшего в момент столкновения с машиной: больше никаких предметов ни на проезжей части, ни на тротуаре не наблюдалось. Да и серый седан тоже не принадлежал потерпевшему, поскольку, едва я поднял крестик, седан сорвался с места и быстро удалился – настолько быстро, что я даже не успел рассмотреть ни марку машины, ни водителя, ни даже номер.

Тем временем очевидцы происшествия вызвали «Скорую помощь» и представителя ГИБДД. Приезда последнего я и ожидал, коротая время с таким же свидетелем происшествия, как и я.

* * *

Мы добросовестно дали показания старлею, а тот добросовестно их записал, затем замерил тормозной след. Пока происходило столь – увы! – банальное для многомиллионного города действие, рядом с домом остановился милицейский минивэн. Вышедший из машины молодой мужчина лет двадцати пяти – судя по всему, оперативник – поздоровался с гаишным старлеем.

– А вы чего приехали? – поинтересовался старлей у опера.

– Позвонила женщина и сообщила, что в квартире напротив дверь нараспашку, а хозяин лежит посреди комнаты. Вот и приехали разбираться: криминал или нет. А у тебя чего?

– Мужик выскочил из подъезда и вот... Судя по всему, водитель не виноват: покойник бежал через улицу как угорелый. Наверное, он жил в этом доме и вышел не то за водкой, не то за сигаретами. Во всяком случае, в карманах у жмурика нет ничего: ни документов, ни сигарет с зажигалкой. Только ключи от квартиры. Даже бумажника нет, лишь в кармане рубашки двести восемьдесят рублей.

– Тогда точно за бутылкой бежал, – усмехнулся опер. – Как раз на пару бутылок водки и пару пива на утро. Если он действительно жил в этом доме, то его личность легко установить. Ладно, я пошел разбираться со своим жмуриком. Пока!

* * *

Утомленный унылой процедурой протоколирования, я совсем забыл про злополучный деревянный крестик и вспомнил о нем только поздно вечером, когда полез в куртку за сигаре-

тами и наткнулся в кармане на гладкую деревянную поверхность. Я достал крестик и внимательно его осмотрел.

Деревянный крест, почти черный от старости, довольно большой для нательного, но вполне помещающийся на ладони. В верхний торец ввернуто серебряное, по всей видимости, ушко, тоже почерневшее от древности. Через ушко был продернут засаленный шелковый шнурок: видно, крест носили довольно долго на шее, но это было тоже очень давно. По осям креста были вбиты с разными промежутками двенадцать серебряных гвоздей, тоже почерневших. Гвозди были странные: с выпуклыми шляпками, идеально круглыми у основания, но сами головки были далеки от шарообразной формы и довольно длинные – при диаметре около пяти миллиметров они имели высоту примерно миллиметров семь-восемь. Приглядевшись, я обратил внимание, что они были вбиты в крест довольно небрежно: не только с разными интервалами, но и со смещением относительно осей симметрии креста. В общем, крест производил впечатление довольно грубой ремесленной поделки. Повертев его в руках, я обнаружил, что нижний торец креста гораздо светлее и ровнее, чем верхний: такое впечатление, что его сравнительно недавно старательно отшлифовали. Вот, в общем-то, и все. На первый взгляд никакой ценности крест не представлял, и вряд ли серебряные гвоздики стоили того, чтобы их выковыривать.

Я испытал чувство стыда: и как же я мог забыть о кресте?! Его следовало отдать гаишному старлею: вдруг по нему удастся установить личность бедняги-пешехода? Но как сейчас сообщить об этом? Ведь действительно странно: подобрав крестик, вылетевший из руки жертвы, я не сообщил об этом составлявшему протокол офицеру ГИБДД.

Поразмыслив, я решил: подожду. Если за пару недель в ГИБДД не выяснят личность погибшего, то я покаюсь в своей нелепой забывчивости. Или если вдруг объявятся родственники погибшего, то я отдам крестик им: вполне возможно, что это семейная реликвия.

Приняв решение, я положил свою находку в ящик стенки, в который обычно мои домашние складывают вещи, вроде бы необходимые, но не имеющие конкретного места хранения, и благополучно забыл о нем: все-таки не корона Российской империи!

Глава 1

Странная штука творится с нижним ящиком мебельной стенки: стоит туда положить какую-либо вещь, как тут же забываешь про нее и находишь лишь тогда, когда ищешь что-то важное: солнцезащитные очки в мае или зимние перчатки в ноябре. Не сомневаюсь, что в каждом доме есть такое заколдованное место.

Однажды вечером, когда я уселся с чашкой кофе перед компьютером с намерением пробежаться по бесконечным и увлекательным пространствам Интернета, раздался звонок домашнего телефона.

– Тебя! – коротко бросила жена, положив передо мной трубку телефона: она была весьма недовольна тем, что неизвестный абонент оторвал ее от просмотра любимого телесериала. Абонент действительно был неизвестным: во всяком случае, телефонный определитель номера не преминул сообщить об этом равнодушным женским голосом.

– Мечислав Мстиславович? – осведомился незнакомый мужской голос. Уже за то, что неизвестный абонент легко и без запинки выговорил мои имя-отчество, он заслуживал уважения.

– Да-да. С кем имею честь?

– Вы меня не знаете, поэтому позвольте представиться: Владимир Николаевич Липатов, племянник академика Вениамина Владимировича Липатова.

– К сожалению, мне это ни о чем не говорит, – несколько растерявшись, ответил я. – Ни вас, ни вашего дядю я не знал и потому...

– Разумеется, вы не могли знать моего дядю, хотя он был весьма известным человеком в своем кругу, и уж тем более меня, но вы некоторым образом, хотя и не по своей воле, оказались замешаны в нашем семейном деле, и мне нужна ваша помощь.

Я был заинтригован и ждал продолжения. Незримый собеседник, уловив пробуждение интереса на другом конце провода, поторопился перейти к делу:

– Недели три назад вы были свидетелем дорожно-транспортного происшествия, не так ли?

– Да, я видел, как машина сбила человека, – подтвердил я. – И я давал показания сотруднику ГИБДД, который...

– Да, я все это знаю, – мягко прервал меня собеседник. – Собственно, из протокольных данных я и узнал ваше имя и номер городского телефона.

– Если вы хотите знать подробности, то вы их узнаете на суде, – прервал я его речь. Мне пришло в голову, что это журналист, выискивающий криминальные сенсации в банальных для мегаполиса происшествиях, и я совершенно не испытывал никакого желания окунаться в грязь бульварной репортерщины.

– Никакого суда не будет, поскольку дело закрыто, – сообщил собеседник новость, повергшую меня в замешательство.

– Извините, но как же так?! – воскликнул я. – Погиб человек! Возможно, что по собственной неосторожности, но – погиб! Дело должно быть расследовано!

– А его уже расследовали и пришли к выводу, что водитель не превышал разрешенной скорости движения, а гибель пострадавшего вызвана его очень неудачным падением, вследствие которого он сломал себе шею, – разъяснил Липатов. – Кроме того, немаловажную роль сыграла как личность покойного, так и обстоятельства его гибели. Во-первых, он был бежавшим из мест заключения рецидивистом, осужденным за разбой и убийство на двенадцать лет и по этой причине находившимся в федеральном розыске. Во-вторых, он выскочил из подъезда в страшной спешке не просто так. Дело в том, что он ограбил квартиру академика Липатова, известного коллекционера, и во время грабежа хозяин квартиры скончался от обшир-

ного инфаркта. Вор испугался, прихватил то, что первое попало ему под руку, и сбежал. Но поспешное бегство, как вы знаете, сыграло с ним дурную шутку. Кстати, дело об ограблении квартиры академика Липатова также закрыто в связи со смертью подозреваемого.

– Вообще-то, насколько я знаю, вор ничего не успел украсть, – заметил я. – При мне его тело обыскал работник ГИБДД и не нашел ничего: ни денег, ни документов, ни каких-либо ценностей.

– Тем не менее он успел прихватить с собой кое-что, – уверенно заявил Липатов, и от его уверенности у меня засосало под ложечкой. Я понял, куда дует ветер, и не ошибся.

– Вор украл в квартире коллекционера, академика Липатова, всего одну вещь. И эту вещь он обронил, когда был сбит машиной. Свидетели показали, что вы подобрали ее с проезжей части. Позволю себе освежить вашу память: это деревянный крестик размером двенадцать на семь сантиметров, украшенный серебряными гвоздиками. Именно его вы подняли, не так ли?

Кровь бросилась мне в лицо: все выглядело так, будто меня поймали на воровстве. Я даже и не знал, что ответить Липатову. На том конце провода поняли мое замешательство и сжалились:

– Разумеется, вы совсем не собирались присвоить сей предмет. Видимо, вы подобрали его, чтобы передать представителю власти, но, находясь в шоковом состоянии после трагического происшествия, просто забыли это сделать.

– Да, именно так! – с облегчением выдохнул я. Приятно, когда тебя понимают. – Именно так все и было!

– С материальной точки зрения деревянный крестик не представляет никакой ценности: даже за серебряные гвоздики в ювелирной скупке не дадут суммы, которой хватило бы на скромный обед в более или менее приличном ресторане. Но для нашего рода этот крестик является семейной реликвией. Поэтому я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы спасли его, и в знак благодарности пригласить вас поужинать со мной в хорошем ресторане. Давайте встретимся сегодня часов в семь вечера: вы передадите мне крестик, а я угощу вас хорошим ужином. Если бы не вы, то вряд ли кто-то обратил внимание на простой деревянный крестик, и он, скорее всего, оказался бы в ливневой канализации. Как вам мое предложение?

Предложение казалось вполне разумным, однако смутное подозрение, шевельнувшееся в глубине моего разума, не позволило мне его принять.

– Я согласен, но проблема в том, что... что в данный момент крестика у меня нет, – вдохновенно сочинял я. – Дело в том, что крестик заинтересовал меня своим древним видом, и я отдал его своему приятелю, искусствоведу по специальности, чтобы он определил его возраст. Поймите меня правильно: я любопытен, как и все писатели. Поэтому сегодня я никак не смогу его получить. Но если вы согласны перенести нашу встречу на завтра, то в течение дня я заеду к приятелю и заберу крестик. Как насчет того, чтобы встретиться завтра, часиков эдак в шесть вечера?

После короткого размышления собеседник согласился.

– Хорошо, давайте в шесть часов вечера в стейк-хаусе «Гудмэн» на Тульской. Вы знаете, где это?

– Да, это в торговом центре «Ереван Плаза».

– Совершенно верно! Итак, я буду вас там ждать в шесть часов вечера. Спросите у администратора, за каким столиком сидит господин Липатов: я его предупрежу, что жду гостя. Договорились?

– Да, конечно, – подтвердил я и попробовал заполучить номер телефона собеседника: – Если вдруг что-то изменится, то как мне с вами связаться?

– Если вы не придете, то я позвоню вам домой, – ответил Липатов. – В любом случае вечером я буду ужинать в этом ресторане. До встречи!

Я положил трубку и задумался. Почему я соврал насчет крестика? Вот он, лежит на столе передо мной. Потому что номер звонившего не определился? Да, это странно: зачем обычному человеку скрывать свой номер телефона? Хотя криминала в этом нет: мало ли какими причинами он руководствуется. Но что-то внутри не давало мне покоя: настороженность не покидала меня. Если сообщенные моим собеседником факты имели место быть и он действительно племянник скончавшегося академика Липатова, то он должен жить в квартире дяди: раз дело закрыто, то квартира не опечатана.

Я открыл справочник абонентов МГТС. Справочник пятилетней давности, но академик Липатов наверняка проживал в своей квартире давно. И я оказался прав: на известной улице в известном мне доме действительно на имя Липатова Вениамина Владимировича был зарегистрирован городской телефон. Я с замиранием сердца набрал номер. Гудки шли довольно долго, и я уже было отчаялся дождаться ответа, как вдруг в трубке послышался щелчок и усталый мужской голос ответил мне:

– Да, слушаю!

– Извините, это квартира академика Липатова? – спросил я.

– Да, но сам академик умер.

– Да, я знаю. Я хотел бы поговорить с его племянником.

– Я вас слушаю.

– Э-э... А как вас зовут? – затаив дыхание, осведомился я.

Ответ подтвердил мои худшие предположения.

– Владимир Николаевич, – с легким раздражением ответил племянник. – Владимир Николаевич Липатов. Извините, а с кем я имею честь беседовать?

Голос этого Владимира Николаевича Липатова совсем не походил на голос того Владимира Николаевича Липатова, с которым я говорил полчаса назад.

– Меня зовут Мечислав Мстиславович Булгарин, – сообщил я. – Писатель, хотя и не из самых известных, так что мое имя вряд ли вам что-то говорит. А вот ваше имя мне говорит многое. Скажите, у вашего дяди еще есть племянники?

– Если бы вы спросили про детей моего дядюшки, то я не смог бы ответить уверенно, – фыркнул в трубку племянник академика. – Даже закоренелый холостяк вроде него вполне мог иметь романтические приключения со всеми вытекающими последствиями, включая детей, о существовании которых он мог и не подозревать. Но что касается племянников, то тут я с полной уверенностью могу заявить, что являюсь единственным племянником моего дяди и других не может быть. Мой отец был единственным братом моего дяди, так что здесь все однозначно.

– А ваш отец разве не мог иметь романтических приключений? – не удержался я от вопроса, вертевшегося у меня на языке. И тут же пожалел об этом: голос племянника немедленно посуровел.

– Я так понимаю, что вы из тех аферистов, которые охотятся за наследством моего дяди? – грозно поинтересовался он. – Так вот, я вас серьезно предупреждаю: у вас ничего не получится. Без результатов экспертизы ДНК даже и не появляйтесь: я вас в порошок сотру! У меня очень хороший адвокат. Вы поняли?

– Я вас очень хорошо понял, но, к сожалению, вы меня не так поняли, – поспешил я успокоить разгорячившегося племянника. – Я не претендую на наследство вашего дяди. Просто стечением обстоятельств у меня оказалась вещь, которая принадлежала ему. Вещь – сушая безделица, но я полагаю, что она является семейной реликвией, и хочу передать ее законному наследнику академика Липатова, то есть вам.

– И что это за вещь? – все еще суровым тоном осведомился племянник. Сквозь суровость предательски пробила нотка тщательно скрываемой заинтересованности.

– Деревянный крестик, совсем черный от времени, на шелковом шнурке, размером двенадцать на семь сантиметров и с двенадцатью серебряными гвоздиками, – подробно описал я.

Последовала длительная пауза, так неприлично затянувшаяся, что я всерьез стал опасаться: а не отправился ли племянник вслед за своим дядей?

– Откуда у вас эта вещь? – наконец спросил он совсем другим тоном.

– Давайте я вам ее передам при личной встрече и тогда же отвечу на все ваши вопросы, – предложил я. – Я могу прямо сейчас подъехать к вам домой.

С моей стороны это было довольно опрометчиво: я почувствовал, как собеседник снова напрягся и затянул паузу.

– Лучше встретимся завтра в метро, – наконец принял решение племянник. – На станции «Аэропорт» посреди зала. В десять утра.

– В одиннадцать, – тут же предложил я. По натуре я «сова», поэтому любые дела, начатые раньше двенадцати часов дня, для меня всегда заканчиваются провалом. В данном случае я, как человек, склонный к справедливости, решил на компромисс.

– Хорошо, – не стал возражать Липатов. – Как я вас узнаю?

– Я буду в черной кожаной куртке и синих вельветовых джинсах. Рост около метра восьмидесяти. Наполовину шатен, имею усы.

– Что значит «наполовину»? – удивился Липатов. – Вы перекрасили часть волос? Что-то вроде мелирования?

Судя по интонации, это была не шутка. Похоже, что племянник профессора Липатова – редкостный зануда.

– Ничего я не красил, просто сейчас значительную часть моей головы занимает плешь, – терпеливо пояснил я. – А как я узнаю вас?

– Я сам вас узнаю, – коротко ответил Липатов. – Извините, но мне звонят на мобильный, так что – до завтра.

Разговор с племянником покойного академика оставил неприятный осадок. Однако, немного поразмыслив, я понял, что причиной повышенной агрессивности Липатова был страх. Он явно испугался моего звонка. И, видимо, имел весомые причины для беспокойства. Ясно и то, что крестик действительно очень много значил для него, раз он, хоть и со всеми предосторожностями, все-таки решил со мной встретиться.

А ведь дело действительно может оказаться серьезным: сегодня я разговаривал по телефону с двумя племянниками академика Липатова, назвавшимися одним и тем же именем. Интересно, кто же из них настоящий?

* * *

Утром за завтраком я еще раз попытался осмыслить ситуацию, и вдруг мне в голову пришла мысль, от которой меня бросило в пот. Если грабитель совершенно наглым образом забрался в квартиру академика среди бела дня ради деревянного крестика, то теперь, когда крестик у меня, моя квартира и мои домашние подвергаются такой же опасности!

Я схватил телефон и позвонил Таврову. Бывший опер, а ныне полковник милиции в отставке и владелец детективного бюро должен знать, что делать в подобной ситуации.

Тавров выслушал мой сбивчивый рассказ и спросил:

– А почему второму племяннику ты доверяешь больше, чем первому?

– Потому что я сам ему позвонил, – ответил я, и тут вдруг меня словно стукнуло: а что, если оба этих «племянника» в сговоре? Один специально вызвал у меня недоверие, чтобы я бросился в объятия второму! Но игру надо вести до конца.

– Но я хотел бы, чтобы вы меня прикрыли, Валерий Иванович, – признался я. – Тут такое дело, что подстраховаться нелишне.

– Хорошо, я подъеду к одиннадцати на «Аэропорт» и понаблюдаю за тобой со стороны, – вздохнул Тавров. – Если он захочет тебя под каким-либо предлогом выманить на поверхность, то дай понять, что ты не один. Ясно? Хотя я надеюсь, что твои опасения не более чем следствие твоей бурной писательской фантазии.

– И я бы тоже хотел на это надеяться, – не стал возражать я.

* * *

На станции метро «Аэропорт» около одиннадцати часов утра уже не было той сутолоки, которую можно там наблюдать парой часов раньше: час пик закончился. Повертев головой, я увидел Таврова, прогуливающегося по платформе. Я двинулся ему навстречу. Убедившись, что он меня увидел, я замедлил шаг и стал вглядываться в лица тех, кто не торопился на посадку.

– Господин Булгарин? – услышал я голос за спиной и резко обернулся.

Высокий худощавый мужчина лет сорока пяти. Рост метр восемьдесят с небольшим, сухое удлиненное лицо и бледно-голубые испытующе смотрящие глаза.

– Владимир Николаевич Липатов? – осведомился я.

– Именно так, – нервно ответил мужчина.

– Извините, а можно посмотреть ваши документы?

– Разумеется. Извольте!

И мужчина протянул мне общегражданский паспорт гражданина РФ. Я внимательно изучил документ. На первый взгляд все соответствовало: и фотография, и ФИО, и оформление документа. И даже регистрация была оформлена по адресу академика Липатова.

– Все нормально, – коротко ответил я, возвращая паспорт. – Давайте приступим к делу.

– Давайте! – согласился Липатов, усаживаясь на скамейку. Я рассказал ему все, что знал: начиная со своей злополучной прогулки по улице в центре Москвы и заканчивая звонком двойника моего собеседника.

– Самое интересное, что ваш собеседник сообщил чистую правду, – заметил Липатов. – За исключением того, что назвался моим именем.

– Эта осведомленность поражает, – кисло откомментировал я. Я надеялся, что Липатов откроет тайну происшествия, но он, похоже, не был в нее посвящен.

Он выжидающе смотрел на меня, и я, спохватившись, торопливо достал полиэтиленовый пакетик с крестом. Липатов осторожно взял пакетик в руки, приблизил к глазам. Затем достал из кармана лупу и пристально изучил крест.

– Да, это он, хотя... нет, точно он! – От волнения его голос дрожал. – Как он к вам попал?

Я вкратце поведал Липатову все события, связанные с этим злополучным крестиком: от того момента, как я заметил вылетевший из руки пострадавшего в ДТП незнакомца предмет, и до звонка неизвестного, назвавшегося Владимиром Николаевичем Липатовым.

– Хочу вас предупредить: тот, кто назвался вашим именем, охотится за этим крестиком, – предостерег я. – И подозреваю, что именно этот человек подослал вора-рецидивиста в квартиру вашего дяди. Неужели у вашего дяди не было ничего ценнее?

– Разумеется, были очень ценные предметы! – воскликнул Липатов. – Например, коллекция орденов. Она стоит очень больших денег! Но коллекция была спрятана так, что вору пришлось бы долго ее искать. Были ценные вещи на виду: картины, среди которых пара-тройка могут представлять большой интерес или сервис саксонского фарфора.

– Но это габаритные вещи, – возразил я. – А вот что-нибудь такое, представляющее очевидную ценность, лежащее на виду и таких размеров, чтобы его можно было положить в карман?

– Дайте подумать... – озабоченно потер Липатов кончиками пальцев лоб. – Да, была такая вещь! На дядином столе всегда лежал массивный серебряный портсигар с золотым дворянским гербом и монограммой. Уж эту вещь вор должен был бы прихватить! Но не прихватил.

– Вот видите! – покачал я головой. – Тогда очевидно, что визит вора не был случайностью: за крестом идет серьезная охота, и вам его небезопасно держать при себе.

– Может быть, лучше положить его в банковскую ячейку? – вопросительно взглянул на меня Липатов.

– Если кому-то очень нужен этот крест, то что мешает силой заставить вас взять его из банковской ячейки и передать заинтересованным лицам? – усмехнулся я. – Или вы исключаете такой вариант?

Липатов не исключал такой вариант: он просто о нем не подумал. После моих слов его худощавое лицо вытянулось еще больше. Он передернул плечами и растерянно спросил:

– Пожалуй, вы правы... Но что же мне тогда делать?

– Я думаю, что вашей безопасностью должен заняться профессионал! – убежденно заявил я.

– Но вряд ли милиция приставит ко мне охрану, – скептически покачал головой Липатов. – Максимум, что я могу сделать, так это поставить квартиру на сигнализацию. Но к тому времени, как милиция приедет, со мной уже успеют разделаться. Я отнюдь не герой-подпольщик и вряд ли выдержу пытки сколь-нибудь длительное время. Пожалуй, и пяти минут не продержусь.

– Зачем же милиция? – возразил я. – Есть профессионалы, частные детективы. Не считите это за рекламу, но как раз сейчас меня сопровождает один такой профессионал. Вы понимаете, что я, с учетом происшедших событий, не мог прийти на встречу с вами, имея крест в кармане и не имея охраны?

– Да, это весьма предусмотрительно с вашей стороны, – согласился Липатов и принялся озираться в поисках моего профессионала. Я с улыбкой наблюдал за ним.

– Давайте я его позову, – предложил я и достал мобильник: – Валерий Иванович! Будьте добры, подойдите к нам.

Тавров подошел и уселся рядом с нами на скамейку.

– Знакомьтесь! Тавров Валерий Иванович, полковник милиции в отставке, ныне частный детектив. Липатов Владимир Николаевич, которому сейчас необходима помощь частного детектива, – представил я их друг другу. – Владимир Николаевич, поведайте о своих проблемах Валерию Ивановичу.

– Да, но услуги частного детектива платные... – заколебался Липатов. – И я не готов... Тут дело касается нашей семейной тайны и...

– Послушайте, Владимир Николаевич! – перебил я его с досадой. – Мы убедились, что как минимум один человек уже посвящен в вашу семейную тайну. Он охотится за лежащим у вас в кармане крестом, и эта охота уже привела к гибели как минимум двух человек, один из которых – ваш дядя. Если вы полагаете, что способны справиться с проблемой без помощи специалиста – так флаг вам в руки! Если нет, то вам следует рассказать все без утайки Валерию Ивановичу, чтобы он мог понять, что делать в такой ситуации. Его первая консультация бесплатна, а что касается тайны... Если бы Валерий Иванович не умел хранить чужие тайны, он уже давно остался бы без клиентуры. Так, Валерий Иванович?

Тавров кивнул и, взглянув на часы, решительно произнес:

– Прошу вас думать быстрее, Владимир Николаевич! У меня мало времени, через полчаса я должен подъехать к клиенту. Если вы решитесь на откровенную беседу, то я перенесу встречу с клиентом на завтра: благо в данном случае время терпит. Если нет, так нет. Итак?

Липатов пожевал губами вдруг неожиданно спросил:

– Если я правильно расслышал, ваша фамилия Тавров?

– Вы правильно расслышали, – подтвердил Тавров.

– Дело в том, что буквально в тот же день, когда я приехал в Москву хоронить дядю, соседка по лестничной клетке порекомендовала мне обратиться к частному детективу. Дескать, милиция закрыла дело, а в смерти дяди, вроде бы и естественной, не все ясно. И она сказала, что ей очень помог частный детектив Тавров, который сам хоть и бывший работник милиции, но умный и честный человек. По словам соседки, детектив Тавров не только за умеренную плату помог ее дочери, попавшей в безвыходную ситуацию, но и так повернул дело, что теперь соседка ездит на своей собственной машине. Это о вас?

– Машина? – удивился Тавров и нахмурил лоб, припоминая. Вспомнив, он рассмеялся: – Да, помню! Фамилия соседки Арсеньева, не так ли?

– Точно так, – подтвердил Липатов.

– Что за дело, Валерий Иванович? Почему я не помню? – ревниво удивился я.

– Да там все быстро разрешилось! Однажды ко мне обратилась за помощью молодая женщина. С некоторых пор ей стали присылать штрафы за превышение скорости. Она очень удивилась: пара квитанций была датирована теми днями, когда она точно не пользовалась машиной. Но в ГИБДД ей показали записи с видеокамеры, где была зафиксирована модель той же марки, «Киа Спектра», и с тем же госномером, что и у нее. Очевидно, что это машина-двойник, но от ГИБДД помощи ждать не приходилось: формально это же машина госпожи Арсеньевой. И госпожа Арсеньева обратилась ко мне. Проблему мы решили за три дня.

– Неужели? – не сдержал изумления Липатов.

– Обалдеть! – более образно высказался я. – И как же вы это сумели сделать, Валерий Иванович?

– Я просмотрел записи видеокамер и обнаружил, что машина-двойник регулярно появляется на участке от 94-го до 85-го километра МКАД. Похоже, что человек, пользующийся машиной-двойником, живет в районе Ярославского шоссе, а заговариваться ездит в район 84-го километра МКАД, где расположены три крупнейших магазина: «Ашан», «Декатлон» и «Леруа Мерлен». Я попросил Арсеньеву взять отпуск, выделил ей человека, и они три дня проверяли стоянку возле этих торговых комплексов. На третий день им удалось на парковке магазина «Ашан» обнаружить машину-двойника: точно такая же модель «Киа Спектра» темно-синего цвета с теми же госномерами, что и у госпожи Арсеньевой. Мой человек немедленно позвонил мне, доложил обстановку и спросил: что делать?

– И что же вы ему посоветовали? – произнес я, предвкушая неординарное решение.

– Я посоветовал госпоже Арсеньевой вызвать эвакуатор службы «Дорожные ангелы», чтобы он увез машину в автосервис. Через полчаса появился эвакуатор. У госпожи Арсеньевой проверили техпаспорт, все соответствовало. Разумеется, идентификационные номера двигателя и шасси проверять не стали, хотя, как впоследствии выяснилось, они были мастерски перебиты на прописанные в техпаспорте. Как потом рассказывал мой агент, в разгар мероприятия появился владелец машины-двойника. Надо было видеть его лицо!

Я представил лицо бедняги-жулика и расхохотался. Липатов улыбнулся, с трудом сдержав смех.

– Теперь мама госпожи Арсеньевой ездит на второй машине по доверенности, а сумма моего гонорара была существенно меньше стоимости даже подержанной «Киа Спектры», – закончил Тавров.

– Да, я вижу, что вы профессионал высокого класса, – оценил Липатов. – Я с радостью прибегну к вашей помощи. С деньгами у меня проблем нет: я выставил на продажу свою квартиру в Петербурге – решил перебраться жить в Москву.

Липатов решил. Он сжал губы в тонкую полоску, резко встал со скамейки.

– Едемте ко мне! – предложил он. – Там я все вам расскажу и покажу. Разговор будет долгий. Я расскажу, а Валерий Иванович даст квалифицированный совет, как мне быть. Вас,

Мечислав Мстиславович, я попрошу составить нам компанию: вы случайно оказались втянуты в это дело, спасли нашу семейную реликвию, и будет весьма несправедливо, если вы не узнаете истории креста.

Глава 2

Мы приехали на знакомую улицу, вошли в подъезд и поднялись на четвертый этаж. Липатов открыл дверь ключом и пропустил нас вперед.

Профессорская квартира вполне отвечала расхожим представлениям о профессорских квартирах советских времен: большая, с высокими потолками, тремя просторными комнатами и чуланом. Обстановка соответствовала: тяжелая добротная мебель, из которой самым новым изделием был торшер со столиком по моде начала шестидесятых годов прошлого века. Во всех комнатах большую часть мебели составляли книжные шкафы: высокие, под самый потолок, словно привезенные из старой библиотеки. Они были заполнены не только старинными книгами, но и разными другими предметами – от сувениров и просто безделушек до антикварной посуды.

– Обстановка в доме практически не менялась с тысяча девятьсот сорок шестого года, когда в эту квартиру въехала семья моего деда, академика Владимира Аполлинарьевича Липатова, – с едва скрываемой гордостью сообщил Владимир Николаевич. – По необходимости прибавлялись лишь сугубо специфические вещи вроде телевизора, радиолы или компьютера.

– Ваш дядя тоже был академиком? – спросил Тавров, изучая содержимое книжных шкафов в кабинете.

– Не совсем... Он был членом-корреспондентом РАН, – ответил Липатов. – Но поскольку мало кто понимает разницу, соседи всегда уважительно величали дядю «академиком».

– А вы сами тоже наукой занимаетесь? – поинтересовался я.

– Да, я кандидат наук, доцент кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, читаю студентам курсы «Историография археологии» и «Археологическое музееведение».

– То есть получается, что вы археолог, который больше работает в кабинете, а не в поле? – удивился я.

– Такова специфика моей специальности, – улыбнулся Липатов. – Ведь важно не только откопать из земли какой-либо предмет. Важно классифицировать его, сохранить для потомков. И очень важно, чтобы археологические коллекции не воспринимались как набор исторических артефактов, а были систематизированы во всей своей взаимосвязи. Ведь собственно предмет музееведения вообще – это свойства музейных предметов отражать действительность, дающие возможность осваивать наследие предшествующих эпох, настоящее и будущее, главным образом через музеи. Однако поскольку сущностные свойства музейных предметов отражать действительность реализуются не только через музеи, а также через собрания коллекций, выставки...

– А ваш дядя тоже занимался кабинетной работой? – поспешил перебить Тавров зануду-историка, оседлавшего было свой любимый конек. – Работал с архивами?

– Он был профессором филологического факультета Московского государственного университета, отделения западноевропейских языков и литератур, – ответил Липатов. – Но в определенных исторических вопросах он превосходил даже общепризнанных авторитетов. Дядю отличала истинная энциклопедичность образования и широта кругозора. Только такие люди способны делать открытия на стыках наук.

– И он сделал много открытий? – спросил Тавров.

– Да, хотя далеко не все они признаны, – со вздохом ответил Липатов. – А многие из них дядя даже не считал нужным публиковать.

– Это почему же? – удивился я.

– Тут своя специфика, – замялся Липатов. – Дело в том, что дядя большую часть времени уделял исследованию нашей семейной тайны: исторической загадки, связанной с этим самым крестом. Разговор долгий, так что... может быть, чаю?

– Лучше кофе! – почти одновременно ответили мы с Тавровым.

– Кофе так кофе, – улыбнулся Липатов. – И, наконец, поговорим о захватывающей воображение тайне вроде бы простого деревянного крестика.

* * *

Через полчаса мы пили кофе и слушали рассказ Липатова.

– Если начать с самого начала, то придется вспомнить об основателе нашего рода, – сообщил Липатов, выжидательно глядя на нас с Тавровым: иногда и зануды осознают то, что они зануды.

– Давайте с основателя, – благожелательно согласился Тавров. Липатов явно обрадовался: преподавательская привычка к фундаментальному многословию обычно не находит понимания у окружающих.

– Основателем нашего рода в России считается некий венецианец Гуидо Тозо, выехавший в Россию из земель «римского кесаря», то есть австрийского императора, в одна тысяча семьсот тринадцатом году. Приехал он не просто так, а по приглашению своего давнего знакомого, капитан-командора российского императорского флота Матвея Христофоровича Змаевича, достигшего при Петре Великом звания полного адмирала. Благодаря протекции быстро продвигавшегося по службе Змаевича Гуидо Тозо был принят офицером в российский императорский флот. Впечатляющей карьеры он не сделал, но удостоился наследственного дворянства, получил в награду за беспорочную службу имение недалеко от Либавы и вышел в отставку в звании капитан-командора. По неведомым причинам или же в силу бытовавшего еще со времен великих московских князей обычая русифицировать имена и фамилии иностранцев в списке дворянства Эстляндской губернии Гуидо Тозо был записан как Григорий Тузов. Так и появился в России дворянский род Тузовых – попрошу не путать с известным родом санкт-петербургских купцов Тузовых.

Поскольку мы с Тавровым до этой минуты ничего не слышали про купцов Тузовых, равно как и про дворян Эстляндской губернии Тузовых, то мы с готовностью согласно закивали головами в ответ на просьбу Липатова. Тот подлил нам в чашки еще кофе и продолжил:

– Благодаря тому, что потомки первого Тузова тщательно сохранили его архив и вывезенные в Россию мелкие предметы, мы знаем о тайне креста с серебряными гвоздиками и можем сейчас видеть этот крест перед собой.

Липатов с волнением выложил крест перед нами на стол и замолк, созерцая семейную реликвию.

– А почему этот крест представлял ценность для основателя российского рода Тузовых? – прервал паузу Тавров. – Почему-то мне кажется, что не только семейную. Нет?

– Да, с этим крестом связана легенда, которую записал предок Гуидо Тозо за триста лет до его рождения. Сей манускрипт был величайшей святыней рода, и сам Гуидо Тозо вывез его в Россию буквально у себя на теле, рядом с этим крестом.

– И что же было написано в этом манускрипте? – сгорая от нетерпения, спросил я.

– Вы будете удивлены, но вплоть до середины девятнадцатого века никто из рода Тузовых не знал, что в нем написано, – сообщил Липатов. – Дело в том, что он был написан на венецианском языке, которого никто в роду Тузовых не знал. Лишь в середине девятнадцатого века Андрей Васильевич Тузов, большую часть своей жизни проведший в Венеции, изучил венецианский язык и прочитал манускрипт. По его словам, он обнаружил там указание на места, где были спрятаны несметные сокровища дожа Венеции Энрико Дандоло, вывезенные

им из Константинополя. Андрей Тузов загорелся идеей найти эти сокровища. Он выдал свою единственную дочь замуж за богатого дворянина Липатова, дав за дочь в качестве приданого имение в Эстляндии и получив от зятя крупный кредит для поиска сокровищ. После чего он убыл из Петербурга в Венецию и бесследно исчез. Безутешная дочь и зять пытались найти его, но сумели лишь выяснить, что последний раз Тузова видели в далматийском городе Котор.

– А какое отношение имел к этим сокровищам крест? – спросил Тавров.

– Вот как раз этого Тузов не сказал. Более того, он оставил крест дочери в качестве семейной реликвии, лишь мимоходом упомянув, что этот крест имеет отношение к исчезнувшему при разграблении крестоносцами Константинополя в тысяча двести четвертом году Животворящему Кресту.

– Как?! Кресту, на котором был распят Спаситель? – поразился я. – И Тузов упомянул об этом вскользь?!

– Совершенно верно, – подтвердил Липатов. – Дело в том, что Андрей Тузов имел репутацию закоренелого материалиста и атеиста: его интересовали сокровища, а не христианские святыни. По сути, первым, кто в нашем роду заинтересовался связью между этим крестиком с серебряными гвоздями и Животворящим Крестом, стал именно мой дядя. Он был настоящим фанатиком идеи: раскрыть многовековую семейную тайну! В сущности, он пошел на филологический факультет исключительно для того, чтобы расшифровать рукопись Тозо. И ему это удалось!

Липатов сорвался с места и выбежал из гостиной в кабинет. Спустя пару минут он вернулся и положил на стол две книги. Точнее, одна представляла собой действительно древнюю книгу в толстом кожаном переплете с застежкой; вторая была обычной терадью в дерматиновом переплете – из тех, что продавались в каждом канцелярском магазине лет двадцать-тридцать назад.

– Вот! – торжественно объявил Липатов. – Оригинал, которому шестьсот с лишним лет, и точный перевод с комментариями, сделанный моим дядей. Здесь все о тайне сокровищ дожа Энрико Дандоло, исчезнувшем Животворящем Кресте и о том, что надо сделать для обретения вышеперечисленного!

* * *

Мы с Тавровым молча смотрели на лежащие перед нами семейные реликвии Липатовых: деревянный крестик с выпуклыми головками вбитых в него почерневших серебряных гвоздей; плоский кирпичик древнего манускрипта в переплете из засаленной и потерявшей первоначальный цвет кожи; девяностошестилистовую тетрадь в дешевом коричневом дерматиновом переплете – в таких тетрадях студенчество моей молодости конспектировало лекции.

– Итак, господа! – звенящим от волнения голосом объявил Липатов. – Сейчас вы будете посвящены в многовековую тайну нашего рода. Я первый из рода Тузовых-Липатовых, кто разгласит эту тайну посторонним. Но, по моему мнению, события приняли такой оборот, что тайна рискует уйти в могилу со мной, последним представителем нашего рода. А потому я просто обязан посвятить вас в нее, ибо наш род был хранителем тайны, но не ее собственником.

Я заерзал на стуле от предчувствия, что вступление может затянуться, но Липатов неожиданно сразу перешел к делу. Начал он, впрочем, издалека. Так занудливый преподаватель, приступая к теме «Устройство электрического генератора», начинает лекцию фразой: «Еще древние греки знали, что если потереть палочку янтаря о шерсть...» И так далее. Липатов соответственно начал с обретения Животворящего Креста во времена императрицы Елены, матери византийского императора Константина Великого, сделавшего христианство государственной религией в Византийской империи. Вот краткое изложение того, что нам поведал Липатов и что я сумел запомнить.

Согласно легенде, император Константин и его мать Елена во время пребывания в Иерусалиме задались целью найти пещеру, в которой было погребено тело Иисуса Христа. На этом месте стоял храм в честь Венеры. По указанию Константина храм срыли и под его фундаментом обнаружили пещеру, а рядом с пещерой – три креста. Путем положения покойника на крест сразу удалось определить, который из них Животворящий. Крест был разделен на две части: одну оставили в Иерусалиме, вторую увезли в Константинополь.

– Обретение, иначе говоря, «Воздвижение Креста Господня», празднуется Православной церковью четырнадцатого сентября по юлианскому календарю, то есть двадцать седьмого сентября по григорианскому и Католической церковью четырнадцатого сентября по григорианскому календарю. Вообще говоря, датировка обретения Креста является предметом для дискуссий.

– Это так важно? – едва сдерживая зевоту, поинтересовался Тавров.

– Не знаю, – пожал плечами Липатов. – Во всяком случае, в комментариях к расшифровке манускрита Тозо дядя подробно остановился на этих моментах и тщательно анализировал различные варианты дат обретения Креста. Все это спорно, поэтому я сообщил вам об общепринятой датировке. Нас же больше интересует не собственно обретение Креста, а его утрата. После захвата и разграбления Иерусалима персидским царем Хосровом иерусалимский Крест находился в персидском плену, пока персидский полководец Хорям не отдал его обратно, получив взамен обещание византийцев помочь ему войсками во внутренней смуте. А спустя десять лет Иерусалим сдался арабо-мусульманскому войску. Поскольку арабская оккупация носила воинствующе-религиозный характер, опасения христиан за сохранность Креста были весьма серьезны. Потому Крест разделили на части и вывезли галерами в Константинополь и другие места. Одну из частей спустя некоторое время вернули обратно в Иерусалим, где она хранилась до эпохи Крестовых походов.

– Погодите, – наморщил лоб Тавров. – Так получается, что части Креста хранились не только в Константинополе и Иерусалиме, но и в других местах?

– Да, это так, – подтвердил Липатов. – Дело в том, что практику деления Креста на части якобы утвердила еще святая Елена, которая по дороге из Иерусалима в Константинополь даровала частицы Креста основанным ею монастырям. В качестве примера можно привести кипрский монастырь Ставровуни, название которого переводится как «Гора Креста». Святая Елена по повелению явившегося ей во сне ангела оставила монастырю частицу Животворящего Креста. По свидетельству епископа Иерусалимского Кирилла, в его время маленькие частицы Креста Господня были распространены среди христиан. Это подтверждает и авторитетнейший в христианском мире богослов Константинопольский архиепископ Иоанн Златоуст, современник Кирилла. Иоанн Златоуст сообщал тот факт, что обладание частицами Животворящего Креста не было редкостью среди его паствы, следующими словами: «Многие, как мужи, так и жены, получив малую частицу этого древа и обложив ее золотом, вешают себе на шею». Современник Иоанна и Кирилла Паулин Ноланский отправил в дар своему другу Сульпицию Северу частицу Животворящего Креста, отметив, что хотя от Креста и отделяется множество частиц, но его первоначальная большая часть чудесно сохраняется! Более того, в Константинополе в период правления императора Константина Багрянородного в императорской сокровищнице была создана особая «Лимургская ставротейка», где хранилось много частиц Креста Господня. Оттуда они брались по мере необходимости для помещения в реликварии, дарившиеся от имени императора.

– Ни хрена себе бизнес! – вырвалось у меня. – Вот уж действительно богатства страны происходят не от трудов людских, а по воле Божьей.

– Кстати, – заметил Липатов, – несмотря на такую вроде бы широкую раздачу частиц главной христианской реликвии, в девятнадцатом веке решили подсчитать: сколько всего сохранившихся частиц Креста Господня известно современникам? Оказалось, примерно один кило-

грамм семьсот граммов священной древесины! Если учесть, что Крест для распятия, даже изготовленный из хорошо высушенной древесины, должен был весить никак не менее двадцати пяти килограммов, то масштабы утраты святыни не могут не поражать!

– Но как же смогли потерять такие весьма приличных размеров куски священной христианской реликвии? – поразился Тавров.

– Иерусалимская часть Креста была утрачена в сражении при Хаттине, недалеко от Тивериадского озера в Палестине, когда войско Иерусалимского короля Ги де Лузиньяна потерпело сокрушительное поражение от армии египетского султана Салах эд Дина, известного в Европе под именем Саладин. Некий французский рыцарь сообщил, что Крест, по-видимому, захватили мусульмане, поскольку один из тамплиеров – рыцарей ордена Храма Господня – уверял, что зарыл Крест в укромном месте у Хаттинских холмов, но, явившись туда с солидным эскортом графа Генриха Шампанского спустя пять лет после сражения, за трое суток упорных поисков упомянутый тамплиер так и не смог найти Крест.

Липатов замолчал и залпом выпил остывший кофе из своей чашки.

– Значит, обнаружение Креста не было угодно Богу, – подытожил я. Липатов и Тавров воззрились на меня: первый с интересом, второй с удивлением.

– Да, некоторые христианские авторы именно так и откомментировали данный факт, – согласился Липатов. – Хотя в двенадцатом веке кантор и пресвитер Гроба Господня иерусалимский священник Анселл подробно перечисляет имеющиеся части Креста и его расчленение следующим образом.

Липатов сделал паузу и без запинки принялся цитировать по памяти древний источник, а затем подытожил.

– Таким образом, после утраты иерусалимской части Креста вторая часть осталась только в Константинополе, поскольку остальные были лишь незначительными по размеру частицами святыни, фактически не поддающимися дальнейшему разделению, и потому можно было трагедию при Хаттине расценить так: христианским миром будет править владыка Константинополя. И эта мысль не только прочно укоренилась в голове очередного властителя Константинополя, но и в голове того, кто жаждал им стать. Я уверен, что истинной причиной несокрушимой энергии разрушителя Византийской империи и инициатора разграбления Константинополя почтенного старца дожа Венеции Энрико Дандоло были вовсе не жажда мести за резню католиков в Константинополе и уничтожение венецианского квартала, не якобы имевшее место ослепление будущего дожа коварными византийцами и даже не жажда прибыли от перевозки кораблями венецианцев крестоносного войска в Египет – нет! А всего лишь вполне осознанное желание власти над христианским миром, которую могла дать только власть над Константинополем! Иначе как объяснить тот поразительный факт, что слепой девяностолетний старец оказался во главе крестоносного войска, штурмующего стены самой могущественной христианской столицы тогдашнего мира, да еще в первой линии возглавил решающую атаку?!

– Фанатик, больной на голову, – не удержавшись, прокомментировал я.

– И какое отношение он имеет к вашему кресту? – сдерживая зевоту, спросил Тавров.

– Терпение, мои друзья! Теперь я подхожу к главному, – объявил Липатов. – Вкратце напомним вам события Четвертого крестового похода. Венецианцы подружились везти крестоносцев в Египет, откуда те планировали нанести удар по Палестине. Но денег, как водится, не хватило. Нет денег – нет перевозки. Крестоносцы оказались в ловушке на острове Лидо близ Венеции. И дож Дандоло предложил крестоносцам вернуть Венеции католический город Задар. Римский папа был несказанно возмущен действиями крестоносцев и подстрекательством венецианцев, но дело было сделано – куда денешься? Однако денег на переезд опять не хватило, и тут Дандоло предложил крестоносцам поучаствовать в следующей прибыльной экспедиции: помочь сыну свергнутого византийского императора Исаака Второго Комнина Алексею вернуть престол. Летом тысяча двести третьего года крестоносцы захватили Константино-

поль и передали престол Алексею Комнину, однако новый император не смог расплатиться с крестоносцами. Возмущенный поборами в пользу крестоносцев, народ восстал, и императора свергли. Исаак Второй умер, Алексей Комнин был убит, и у Дандоло оказались развязаны руки. Крестоносцы штурмом взяли Константинополь и образовали Латинскую империю.

Липатов сделал паузу и окинул слушателей испытующим взглядом. Похоже, наконец он подошел к главному – не прошло и часа.

– Но самое интересное вот что: куда делись те огромные сокровища и бесчисленные христианские святыни, исчезнувшие при разграблении Константинополя? Что получила Венеция, кроме украденной с константинопольского ипподрома знаменитой бронзовой квадриги и платы за перевоз крестоносного войска? Что?

– И что? – как эхо, отозвались мы с Тавровым, радостные от ощущения, что Липатов наконец покончил с преамбулой.

– А по сути, ничего особенного, – с довольным видом сообщил Липатов. – Венеции достался крохотный кусочек частицы Креста Господня в реликварии византийской работы, который сейчас демонстрируется в соборе Святого Марка. А ведь крестоносцы обнаружили два больших куса святыни, по утверждению французского рыцаря Робера де Клари, бывшие длиной около метра каждый и толщиной с ногу. И это не считая множества мелких частей в ставроотеке! Кроме того, де Клари перечисляет имущество, находившееся только в одной церкви Большого дворца, в которой крестоносцы планировали складировать награбленное добро. Помимо указанных двух крупных частей Креста там же хранились Копье, пронзившее тело Господа, туника Христа, два гвоздя от Креста, терновый венец и сосуд с кровью Спасителя. И еще часть одеяния Пресвятой Девы Марии и голова Иоанна Крестителя, вывезенная впоследствии во французский город Амьен. Но святыни хранились и в других церквях великого города! И ведь крестоносцы разграбили Константинополь подчистую! С их тщательностью в грабеже могут соревноваться лишь гитлеровские чиновники, продававшие за деньги пепел сожженных жертв лагерей смерти и волосы убитых евреек. Очень характерный пример чисто европейской тщательности: храм Святых Апостолов в Константинополе – Апостолейон, являвшийся не только храмом-мавзолеем императоров Византии от Константина Великого и до Константина Восьмого – более шести столетий! – но и местом упокоения мощей святых апостолов Тимофея, Луки и Андрея, святителей Иоанна Златоуста и Григория Богослова, – был ограблен полностью! Не только богатейшее убранство и драгоценная утварь были вынесены из храма и поделены между крестоносцами, были разграблены могилы императоров и их родственников, включая могилы равноапостольных Константина и Елены, а мощи апостолов и святителей были поделены, равно как и разрубленная на куски священная утварь. Даже столп, у которого бичевали Иисуса Христа, был вывезен в подарок римскому папе. Оскверненный храм, лишенный святых могил, никто даже не подумал восстанавливать, и когда после захвата Константинополя турками два с половиной столетия спустя Мехмет Завоеватель предложил константинопольскому патриарху Геннадию Схоларию использовать Храм Святых Апостолов как кафедральный собор христиан – взамен превращенного в мечеть Храма Софии – в ставшем турецкой столицей городе, то патриарх Геннадий счел здание для этого непригодным, а потому ветхое безнадзорное строение было снесено, и на его месте ныне возвышается мечеть Фатих. В восемнадцатом веке при восстановлении мечети после землетрясения во время земляных работ нашли лишь несколько порфировых императорских саркофагов – и все!

– Но куда же все делось? – удивился Тавров.

– Что-то всплыло в Европе, – ответил Липатов, – что-то в других странах, куда бежали православные монахи и священнослужители. Мощи Андрея Первозванного якобы перевезены в Италию, в город Амальфи. Мощи евангелиста Луки оказались в базилике Святой Иустины города Падуя. Куда делись мощи Тимофея Эфесского – тут нет однозначного мнения. Мощи Григория Богослова и Иоанна Златоуста крестоносцы вывезли в Рим, и до двадцать шестого

ноября две тысячи четвертого года они находились в соборе Святого Петра, откуда по распоряжению римского папы Иоанна Павла Первого их вернули Константинопольской церкви: сейчас они хранятся в стамбульском храме Святого Георгия вместе со столпом, у которого бичевали Христа. А находящиеся в храме Святого Марка в Венеции частицы Животворящего Креста, в небольшом реликварии византийской работы, наводят на мысль: куда делись те большие куски Креста Господня, которые упоминают крестоносцы? Икона Божьей Матери Никопея, то есть Победоносная, считавшаяся главной хранительницей императорского дома, которой молились императорские войска перед сражениями, – вот, пожалуй, главная святыня, вывезенная из Константинополя. Кое-что из награбленных святынь и драгоценностей хранится до сих пор в сокровищнице собора Святого Марка, но даже если это, как уверяют, всего лишь десятая часть того, что было привезено и в одна тысяча семьсот девяностого седьмом году разграблено революционными войсками «свободной и просвещенной» Франции, то это все равно очень мало по сравнению с долей Венеции в награбленном богатстве Византии, копившемся столетиями в богатейшем городе мира.

– Ладно, убедили, – нетерпеливо согласился Тавров, воспользовавшись очередной паузой в монологе Липатова. – И куда же все делось?

– Вот! – удовлетворенно воскликнул Липатов. – Вот тут и начинается семейная легенда, которую мой дядя воспроизвел по первоисточнику – рукописи четырнадцатого века. Кофе остыл? Подогреть?

Мы с Тавровым отрицательно помотали головами. Я бы перекусил, но постеснялся об этом сказать.

– Подогревать не надо, а вот коньячку к кофе не помешало бы... – брякнул Тавров. Я укоризненно взглянул на него, но Липатов совсем не удивился и достал из шкафчика початую бутылку армянского коньяка. Поставив на стол хрустальные коньячные бокалы, Липатов разлил ароматную жидкость, пригубил сам и продолжил:

– Собственно, рукопись начинается с описания момента, когда дож Венеции Андреа Дандоло дал особо секретное поручение своему секретарю Джованни Тозо. Не могу сказать, было ли «тозо» родовым именем или прозвищем: по-венециански «тозо» означает «юноша». Впрочем, это не так уж и важно. Перейдем к сути поручения. Дело в том, что в то время в Венеции случился голод, и неизвестно откуда появившийся монах сообщил дожу, что за голодом следует эпидемия чумы, если тот не примет экстренных мер. Меры заключались в том, что дожу следовало отправить свою юную дочь в Константинополь для того, чтобы обрести там основную часть Животворящего Креста, спрятанную в свое время дожем Энрико Дандоло. Дескать, только непорочной деве, наследнице рода Дандоло, удастся вымолить прощение своему прадеду за организацию разграбления христианской столицы и избавить от голода и чумы родной город. Разгневанный дож велел бросить монаха в темницу, но буквально через несколько дней ему доложили о появлении первых больных чумой. Перепуганный дож приказал немедленно освободить монаха, посадить его и юную дочь дожа на самую быстроходную венецианскую галеру и отправить их в Константинополь. А молодой секретарь дожа Джованни Тозо вместе с двумя молчаливыми телохранителями должен был сопровождать и обеспечивать безопасность дочери правителя Венеции.

Живой рассказ о давних событиях преобразил Липатова: глаза его сияли, с сухошавого лица исчезло обычное выражение холодной отстраненности. Слушая Липатова, я вдруг живо представил описываемые события, словно в голове заработал телевизор. «Надо обязательно написать об этом роман», – подумал я, когда Липатов закончил рассказ.

Взглянув на часы, Тавров напомнил мне:

– Слава! Тебе пора собираться на встречу с лжеЛипатовым.

– Время еще есть, – возразил я. – У меня появилось несколько вопросов к Владимиру Николаевичу о некоторых загадках истории...

Однако Таврову явно надоели исторические экскурсии.

– Я поеду заранее и подстрахую тебя от метро, – сказал он. – И рекомендую зайти домой или в недорогую кафешку и перекусить.

– Вообще-то я иду в ресторан, – напомнил я.

Тавров в ответ усмехнулся:

– Ресторан не дешевый, а твой собеседник вряд ли тебя угостит ужином. Скорее всего, он вообще не придет.

Глава 3

Тавров оказался прав: лже-Липатов не пришел, а цены в ресторане напрочь отбили у меня аппетит – я выпил кружку пива с соленым картофелем фри и отправился домой. По дороге в метро я с досадой сказал Таврову:

– Ну и язык у вас, Валерий Иванович! Накаркали. А он ведь сам назначил мне встречу. Глядишь – и узнали бы всю правду о тайне деревянного крестика с серебряными гвоздями, а не только ту часть правды, которую нам рассказал Липатов. Приперли бы его к стене, обвинили бы в ограблении квартиры профессора Липатова – и все выложил бы как миленький!

– Во-первых, ничего бы он нам не сказал, – сухо заметил Тавров. – Нельзя человека обвинить в смерти умершего от обширного инфаркта или в ограблении квартиры, в ходе которого ничего не было украдено – ведь крестик оказался у тебя! А во-вторых, он, несомненно, осторожный человек и умеет подбирать помощников. Я думаю, что его человек зафиксировал твою встречу с настоящим Липатовым и сообщил о ней лже-Липатову. Тот, разумеется, понял, что никакой крестик ты ему теперь не отдашь, и не пришел на встречу.

– Логично, – разочарованно вздохнул я.

Простившись с Тавровым на пересадочной станции, я минут через сорок уже был дома. Наконец, плотно поев и выпив кружку крепкого кофе, я почувствовал себя бодрым и полным сил. В памяти снова всплыл рассказ Липатова, и я не удержался: уселся за компьютер и принялся писать роман о приключениях венецианца Джованни Тозо.

* * *

Тозо воспринял поручение дожа без энтузиазма: он всего год назад женился, и его молодая супруга только недавно разрешилась от бремени. Но возражать господину он не осмелился и в глубокой печали следующим утром, облобызав на прощание безутешную супругу, отбыл на галеру.

Плавание в Константинополь по тем временам было делом небезопасным: вдоль побережья Далмации и Греции действовали пираты, и хотя не каждый рискнул бы напасть на быстходную венецианскую галеру с сильной охраной, но опасность была вполне реальна. Тем не менее галера без приключений добралась до владений дальнего родственника рода Дандоло герцога Наксосского. Отдохнув там несколько дней, галера снова отправилась в путь мимо Негропонта в Фессалоники, находившихся под контролем Венеции. И вдруг по прибытии в Фессалоники монах объявил, что теперь следует сойти на берег и добраться до нужного места пешком. Тозо страшно обеспокоился: ведь вокруг Фессалоник располагались владения не слишком расположенного к Венеции сербского «кряля» Стефана Душана, величавшего себя «Богоравным царем сербов и греков» и откровенно враждебного «латинам» могущественного в то время болгарского царя Ивана Александра.

Однако юная дочь дожа Анна Дандоло, которой в то время еще не исполнилось и семнадцати лет, под влиянием монаха уверовала в свою миссию и в категорической форме под угрозой немедленной казни велела выполнять все указания монаха. Тозо, поживаясь от холодных взглядов телохранителей Дандоло, вынужден был смириться. На закате дня небольшая кавалькада во главе с монахом переправилась на правый берег реки Вардар, во владения Стефана Душана. В прибрежных кустах на правом берегу реки монах дал знак Анне и одному из телохранителей следовать за ним. Второй телохранитель вместе с Тозо остался стеречь лодки. Под утро, измученный волнением, Тозо задремал и проснулся от прикосновения к плечу. Испуганно вскочив, он увидел в лучах восходящего солнца улыбающуюся Анну и ее спутников.

Телохранитель, ушедший с Анной, вернулся с поклажей: на плече он держал большой деревянный ларец, а на шее у него висела металлическая трубка со сплюснутыми концами, на которых была оттиснута печать дожа Энрико Дандоло. Увидев, что Тозо проснулся, монах молча вошел в одну из лодок и сел на корме. Это был сигнал: все быстро заняли свои места в лодках и не мешкая пустились в обратный путь. К полудню венецианская галера с пассажирами, пополнив запасы провианта и воды, вышла из порта Фессалоник и взяла курс на Негропонт. Капитан вел галеру впритирку к побережью Негропонта, опасаясь приблизиться к малоазийскому побережью: тамошние острова Лесбос и Хиос принадлежали врагу Венеции – Генуе. Однако, миновав Хиос, капитан не изменил курса, уходя по-прежнему на юго-восток и оставляя по левому борту Наксос. Встревоженный Тозо обратился к капитану, но тот отправил его за разъяснениями к монаху. Тот ухмыльнулся в ответ на вопрос Тозо: «Для нас сейчас герцог Наксоса опаснее генуэзцев и турецких пиратов, вместе взятых. Он знает, зачем мы ходили в Фессалоники, и с нетерпением хочет это заполучить!» Тозо ничего не понял, но уразумел: лучше молчать и ни во что не вмешиваться. Наконец, однажды на рассвете на горизонте показались две галеры с флагами Родосских рыцарей, и все вздохнули с облегчением, оказавшись под защитой благородных христианских воинов. Отдохнув у гостеприимных христианских паладинов, галера двинулась дальше, к Криту. Крит находился под управлением венецианского наместника, и потому его прибрежные воды были вполне безопасны для участников экспедиции и бесценного груза. Покинув после короткого отдыха и пополнения припасов Крит, галера устремилась было ко входу в Адриатическое море, однако, не доходя до пролива Отранто, вдруг повернула на восток, взяв курс на Леокадию. Там, за Леокадией, монах высадился на берег, и больше Тозо никогда его не видел. А галера снова двинулась на север, в направлении Венеции. Между тем, оставив по правому борту Дураццо, капитан повел галеру ближе к итальянскому берегу, с тревогой сообщив о приближении бури. Буря действительно началась. Невзирая на все усилия, галеру несло к берегам Далмации. Встревоженная Анна Дандоло отправила Тозо к капитану для выяснения обстановки. На робкий вопрос Тозо о том, долго ли продлится буря, капитан мрачно посоветовал молиться. Тозо передал его слова Анне Дандоло. Та побледнела, но с удивительным для юной девушки самообладанием проговорила: «Мы можем погибнуть. И если вам, Джованни, будет суждено выжить, а мне умереть, то ответственность за наш бесценный груз ляжет на вас. Вы должны знать, что мы везем. Мы везем предметы, заключающие в себе величайшую тайну Энрико Дандоло. Здесь, в этой наглухо запаянной свинцовой трубке, находится карта с указанием мест, где Энрико Дандоло укрыв сокровища, припасенные на черный день. В ларце же находится величайшая святыня: самая крупная из всех сохранившихся частей Креста Господня. Именно ее мы везем в Венецию, чтобы спасти наш народ от голода и чумы. Если ты единственный выживешь после этой страшной бури, то должен спасти ларец!» Тозо был потрясен словами Анны и в глубине души не чувствовал в себе сил на такое самопожертвование, но тем не менее дал клятву на Библии спасти ларец с Животворящим Крестом во что бы то ни стало. Выйдя из каюты Анны Дандоло, Тозо увидел, что буря усилилась и мощный ветер неуклонно гонит галеру к берегам Далмации. Гребцы бросили весла и молились, а комиты даже не пытались заставить их грести, ибо тщетность любых усилий была очевидна. Все члены Тозо при виде этого отчаянного зрелища сковало, словно параличом, и он не мог ни пошевелиться, ни даже разомкнуть губы, чтобы произнести молитву. Наступившая ночная тьма скрыла детали трагедии, выхватываемые лишь одинокими огоньками еще не погасших фонарей. Внезапно сверкнувшая вспышка молнии осветила ужасающую картину: галеру несло прямо на скалы, торчащие из пышных кружевных манжет кипящих бурунов. Вид смертельно опасных бурунов вдруг пробудил силы у Тозо: он бросился к мачте и попавшим под руку куском веревки принялся прикручивать себя к кающемуся надежному куску древесины. За этим занятием его и застал чудовищный удар, сопровождаемый душераздирающим скрежетом и треском ломающегося корпуса галеры и леденящими душу криками захлестываемых волнами

жертв. Несчастных гребцов никто так и не удосужился расковать, и они были обречены уйти на дно вместе с галерой. Гигантская волна, перехлестнувшая через борт галеры, подхватила мачту вместе с привязанным к ней Тозо словно соломинку и стремительно понесла в темноту. Сковывающий члены холод ледяной бездны и ощущение разрушительной силы подхватившей его волны были последним, что запомнил Тозо, проваливаясь в падающие объятия обморока.

Очнулся он от того, что услышал голоса. Но это не были голоса ангелов или крики чертей в пекле. Говорили люди на незнакомом Тозо языке. Тозо перевернулся на спину, затем сел и осмотрелся. Он находился на песчаном берегу, кое-где усыпанном галькой. Прямо перед ним располагались два скалистых острова: на том, что побольше, кое-где росли деревья и кусты, стояло несколько каменных хижин, крытых черепицей; тот, что поменьше, собственно говоря, и островом нельзя было назвать – так, торчащая из моря скала, кое-где покрытая травой. Волны накатывали на берег с мягким шорохом, небо над морем голубело безупречной чистотой до горизонта, и лишь выброшенные на берег водоросли, обломки галеры и бездыханные тела жертв кораблекрушения напоминали о вчерашнем буйстве стихии.

По берегу ходили мужчины в варварских одеяниях: все как на подбор очень высокие, крупные. Одни относили мертвые тела на повозку, запряженную парой быков, другие вскрывали выброшенные на берег сундуки и деловито рылись в них в поисках ценностей. Зрелище было неприятным для Тозо, но он знал древний закон всех прибрежных народов: выброшенные на берег корабль и его груз принадлежат владельцу побережья. Все было по закону.

Один из людей заметил ожившего Тозо, что-то крикнул остальным и подошел к нему. Тозо настороженно следил за ним, лихорадочно пытаясь понять, в какое место побережья его выбросило. Дурацко они точно миновали еще до начала бури. Что там дальше? Дульцин?

– Дульцин? – спросил Тозо подошедшего человека. – Где находится Дульцин?

Человек указал влево от Тозо. Судя по положению солнца, это был юг. Так! И как же далеко на север им удалось подняться? Что там к северу? Будуа, Катторо, Рагуза...

– Будуа? – спросил Тозо. Человек кивнул и указал на север. Итак, он на побережье между Будуа и Дульцином. Тогда эта территория должна принадлежать сербскому королю Стефану.

– Кто хозяин этой земли? – спросил Тозо, обводя вокруг себя рукой. Человек пожал плечами, бросив короткую фразу: «Нэ розумие».

– Судя по речи, вы венецианец? – раздался голос за спиной Тозо. Тозо вскочил с песка и обернулся. Перед ним стоял седой старик.

– Слава богу, что вы знаете венецианский язык! – воскликнул Тозо, осеняя себя крестным знамением. – Спасибо тебе, Господи, что не позволил сгинуть мне в глубинах моря и послал мне спасителя, который понимает слова моей благодарности, обращенные к нему!

Эмоциональный взрыв обессилил Тозо: он опустился на песок. Старик сделал знак, и Тозо поднесли деревянную чашу с вином.

– Выпей! – велел старик Тозо. – Вино утолит твою жажду и вернет силу.

Тозо жадно выпил все содержимое чаши. Божественный напиток оказал живительное действие: окончательно исчезли шум в ушах и головокружение, пропал ужасный вкус водорослей и горечи во рту.

– Эта земля принадлежит королю Стефану? – спросил Тозо, возвращая чашу.

– Эта земля принадлежит племени Паштровичей, – с гордостью заявил старик.

– Но ведь вы подданные короля Стефана? – полуутвердительно-полувопросительно произнес Тозо.

– Мы не подданные ни короля Стефана, ни кого-либо другого. Никогда и никому Паштровичи не платили дани и никогда никому не будут платить, – заявил старик, расправив сутулую от груза прожитых лет спину. – Мы союзники короля Стефана. Мы помогаем ему справиться с его врагами, а он помогает нам справиться с нашими врагами. И не более того!

Тозо поспешно кивнул, опасаясь обидеть гордого черногорца. Он слышал, что жители Монтенегро – Черной горы – отличаются страстной независимостью и не прощают обид никому. Тем более что в этих местах господствовала ортодоксальная Церковь, которую сами схизматики гордо величали Православной, то есть «правильной веры», а ортодоксы не любят всех латинян-католиков едва ли не больше, чем мусульман. А потому лучше помалкивать.

Тут Тозо со стыдом вспомнил, что он под влиянием страха совсем забыл об Анне Дандоло. И ларец! Он же поклялся спасти ларец со святыней и позорно бежал. Краска стыда бросилась в лицо Тозо, и он с тревогой спросил старика:

– На разбившейся галере была девушка. Вы не находили тела девушки?

Старик крикнул одному из мужчин:

– Никола!

Тот немедленно приблизился. Старик что-то сказал Николе, тот кивнул и ушел.

– Девушку не находили. Но мы осмотрим остров и скалу: может быть, высокая волна кого-нибудь выбросила туда.

– Можно я поплыву с ним? – спросил Тозо. Про ларец он пока решил не говорить.

Старик внимательно поглядел на Тозо:

– Ты хочешь найти эту девушку?

– Да, она дочь господина, которому я служу, и я должен был заботиться о ней, – сказал Тозо, предпочитая умолчать о том, что Анна – дочь венецианского дожа.

– Хорошо, – разрешил старик.

Тозо и Никола уселись в лодку и принялись объезжать острова. Тщательно вглядываясь в скалы, они обогнули сначала большой остров. Кое-где валялись обломки галеры, а в одном месте волны били о камни оторванную скамью с прикованными к ней галерниками. Подплыв поближе, Никола убедился, что они мертвы, и продолжил путь в поисках живых. Тозо уже начал погружаться в отчаяние: маленький остров был так мал, что вряд ли там кто-нибудь мог найти спасение. И когда его глаза начали застилать слезы отчаяния, он вдруг увидел свисающий из щели между скалами кусочек цветной ткани. Тозо торопливо протер глаза кулаками. Нет, ему это не почудилось.

– Скорее туда! – крикнул он Николе, возбужденно указывая рукой на яркое пятно ткани. Никола направил лодку к островку, но зашел со стороны суши, иначе волны могли повредить лодку о камни. Едва лодка подошла к скале, как Тозо, рискуя упасть в воду или удариться о камень, прыгнул на скалу и еле удержался на ней, ободрав в кровь пальцы и колени. Никола задержался, швартуя лодку к острому камню при помощи веревки, и Тозо первым выбрался на островок. Посредине островка оказалось нечто вроде крошечной полянки, поросшей травой. На ней лежала стройная девичья фигурка в некогда роскошном, а теперь в клочья изодранном платье. Она лежала ничком на узком деревянном ящике, в котором Тозо узнал ларец со святыней. Тозо, вскрикнув от радости, бросился к лежащей Анне и споткнулся о предмет, отозвавшийся глухим металлическим звоном. Тозо скосил глаза и вздрогнул: это была та самая металлическая трубка со сплюснутыми концами. Каким образом она оказалась здесь? Неужели и ее волны выбросили на берег? Невероятно! Нет, скорее всего, Анна сжимала ее в руке и выпустила, когда потеряла сознание.

Тозо услышал за спиной голос Николы и резким толчком ноги отправил трубку в расщелину скалы. Затем таким же движением прикрыл щель валявшимся рядом куском плоского камня. Однако Никола не обратил внимание на его манипуляции. Он склонился над девушкой и, осторожно обхватив ее за плечи, попытался приподнять. Но это ему не сразу удалось: Анна плотно обхватила одной рукой ларец, помогший ей удержаться на поверхности бушующих волн и в итоге спасший ей жизнь. Наконец Николе удалось освободить руку девушки. Он осторожно отодвинул закрывавшие лицо Анны пряди золотистых волос и замер, с детским восторгом созерцая совершенные черты лица. Нежно проведя огромной ладонью по голове девушки,

Никола легко подхватил ее на руки и кивком головы велел Тозо следовать в лодку. Тозо подхватил ларец: тот казался не слишком тяжелым, невзирая на довольно приличные габариты. Отнеся его в лодку, Тозо попытался развернуть не слишком поворотливое суденышко бортом к скале, но ему это никак не удавалось. Тем не менее Никола не стал дожидаться удовлетворительных результатов маневров Тозо, а с удивительной для его огромной фигуры кошачьей ловкостью прыгнул в лодку. Лодка слегка просела от удара, но почти не качнулась, и держащему на руках Анну Николе удалось сохранить равновесие.

Никола уселся на корме, бережно прижимая к груди Анну. Тозо пришлось сесть за весла. Сначала ему долго не удавалось развернуть лодку носом к берегу: коварные волны, играя, норовили повернуть ее бортом. Но в конце концов Тозо справился с управлением, и волны погнали лодку к берегу.

– Она жива? – спросил Тозо Николу. Тот не ответил, а лишь продолжал молча смотреть на Анну, время от времени проводя ладонью по ее шелковистым волосам.

Тозо никак не мог вытащить лодку на берег, но Никола, не дожидаясь, пока он это сделает, сам спрыгнул в воду, бережно неся Анну. Он уложил ее на песок. Подошел старик, склонился над Анной, положил морщинистую руку ей на шею, затем выпрямился, удовлетворенно кивнув головой.

– Она жива, – сказал он подошедшему Тозо. Тот вздохнул с облегчением. Все закончилось как нельзя лучше: дочь дожа жива, ларец со святыней и опечатанная металлическая трубка в целостности и сохранности.

* * *

Однако все было совсем не так радужно, как показалось Тозо. Анна пришла в себя, но оказалась не в себе. Она утратила дар речи, не узнавала Тозо и вообще создавалось впечатление, что рассудок покинул ее почти полностью. Но кое-что она помнила: когда увидела ларец, то вскрикнула и легла на него, крепко обхватив руками, и даже Никола не смог ее от него оторвать. Так и оставили ларец при ней.

Анну поселили в доме старика. Старик оказался старейшиной одного из родов племени Паштровичей, владевшего землями вдоль побережья этой части Далмации от города Бар на юге до города Будуа на севере. Звали старика Горан, а Никола приходился ему сыном.

Никола буквально не отходил от Анны ни на шаг. Даже когда ему нужно было отлучиться по делам, он при малейшей возможности брал ее с собой. И Анна так и льнула к рослому черногорцу. Тозо попытался объяснить Горану, что Анна происходит из очень знатного рода и ее ждет не дождется отец, который щедро вознаградит спасителей дочери. Но старик лишь усмехнулся в ответ:

– Моему сыну нужна жена, а не деньги. Разве ты не видишь, что они любят друг друга? Если Николе понадобятся деньги, он возьмет их у того, у кого их много. Разве мало набитых золотом купцов возят корабли по морю? А вот найти любовь не просто. Так что будь Анна дочерью самого герцога Венеции, она все равно станет женой моего сына!

– Но она и есть... – воскликнул было Тозо, но старик с неожиданным проворством зажал ему рот своей сухой, твердой, как дерево, ладонью.

– Не следует говорить то, из-за чего можешь потерять голову, – прошептал ему на ухо старик, и от этого шепота у Тозо пробежали мурашки по спине. Старик не хочет неприятностей, удерживая при себе дочь правителя могущественной Венеции. Но сама Анна не помнит, кто она. Помнит лишь Тозо, но эту проблему легко решить, если он вздумает болтать. Но Тозо не хотел так легко сдаваться.

– Вы не понимаете! – воскликнул он. – Она должна привезти в Венецию святыню, находящуюся в ларце, чтобы спасти родной город от чумы!

– Ты глупец! – высокомерно заметил старик. – Если бы Господь хотел, чтобы святыня попала в Венецию, он бы не допустил кораблекрушение. А святыня попала к нам, к Паштровичам, значит, Господь решил отдать ее нам. Как ты можешь призывать идти против воли Божьей?!

Тозо в растерянности замолчал. Между тем старик продолжал:

– Триста лет назад ваши венецианцы везли мощи святого Трифона из Константинополя в Венецию, но буря загнала их в Каттаро, и они не могли покинуть город, потому что сам святой Трифон пожелал, чтобы его мощи пребывали в Каттаро, а не в Венеции. И венецианцы не смели ослушаться ясно изъясненной воли святого. Так что повторяю тебе: не смей противиться воле Божьей!

– Я понял, – покорно склонил голову Тозо и попросил: – Отпустите меня! Мне нужно в Венецию, там мои жена и сын.

– Как же ты поедешь в зачумленный город? Одумайся! – возразил старик. – Если твои родные больны, то чем ты им сможешь помочь? А если им суждено выжить, то им понадобится живой и здоровый кормилец. Поэтому ты останешься здесь, пока не будет получено известие об окончании чумы.

Тозо понимал, что без разрешения старейшины он не сможет покинуть земли Паштровичей: в конце концов, он мог оказаться вражеским лазутчиком. Оставалось лишь ждать.

Анну, к которой так и не вернулись ни память, ни речь, поместили в дом старейшины Горана. Тозо же пришлось ночевать в келье монаха, находившейся прямо напротив того места, где Тозо выбросило на берег, и представлявшей собой вырытую в склоне горы над берегом нору, кое-как укрепленную камнем и деревом. Тозо не хотелось ночевать в сырой пещере, но снаружи начал накрапывать дождь, и он задремал у входа в келью, привалившись спиной к каменному косяку. Внезапно раздался тихий знакомый голос:

– Джованни! Я пришла поговорить с тобой.

Тозо увидел стоящую рядом со входом фигуру, освещенную скудным серебристым светом неполной луны. Это была Анна!

– Ты снова обрела память и речь? – радостно воскликнул Тозо, пытаясь подняться, но Анна легким прикосновением руки удержала его.

– Не совсем... Здесь я прежняя, но за пределами сна – нет.

– Так я сплю? – удивился Тозо и хотел уже себя ущипнуть, но Анна снова удержала его.

– Все сложнее, и нет времени объяснять. Я пришла сказать тебе главное. Слушай!

* * *

Тозо разбудил монаха, встававший к молитве еще до рассвета. Вспомнив ночную беседу с Анной, Тозо впервые осознал: здесь ему придется задержаться, и, возможно, надолго. Для начала следовало найти себе постоянное жилье и хоть какое-нибудь место в общине. Тозо стал помогать рыбакам, жившим на большом острове, и ему выделили каморку в доме, где хранили сети, весла и прочее рыбацкое имущество. Тозо сложил в углу каморки очаг с дымоходом, натянул на оконный проем бычий пузырь и смиренно отбывал назначенный судьбой срок.

Старик Горан сделал все, как обещал: не прошло и полгода, как Анну окрестили по греческому обряду в храме Успения Пресвятой Богородицы, построенном на высоком утесе почти прямо над тем местом, где Анну и Тозо выбросило на берег. Спустя еще пару месяцев в том же храме обвенчали Анну и Николу. А через год у них родился сын, названный в честь деда Гораном.

Вскоре после венчания Анны и Николы пришло известие, что чума в Венеции закончилась. Тозо стал было собираться в дорогу: старый Горан, подболевший после рождения внука, пообещал Тозо, что доставит его в Будау, а там уж на первом же идущем в Венецию корабле

он доберется до дома. Поскольку от Бара до Будуа не было ни одного подходящего места для пополнения запасов воды и продовольствия, то суда заходили туда довольно часто. Однако вскоре пришло известие о начале войны Венеции с Генуей. Генуэзцев поддержал венгерский король, предоставив им бухты для базирования судов в той части Далмации, которую венграм удалось захватить. Путешествие в водах, кишящих беспощадными к венецианцам генуэзскими пиратами, было весьма опасным. Тозо все же был полон решимости отправиться домой: заветную опечатанную трубку он уже давно извлек из расщелины скалистого островка и спрятал в укромном месте на берегу. Однако он никак не мог решиться уехать от святыни, хранящейся в деревянном ларце.

Став матерью, Анна передала ларец на хранение одному из монахов, живших далеко в горах. Тозо не мог уехать, так и не выяснив местонахождение святыни: если Анна не может привезти ее в Венецию, то это обязан сделать он, Тозо!

Тозо стал ходить в горы вместе с пастухами и охотниками и вскоре неплохо ознакомился с местностью. В своих землях Паштровичи чувствовали себя полными хозяевами: однажды на каменном столбе у дороги Тозо увидел чашу с вином, предназначавшуюся для утоления жажды путникам. Чаша была золотая! Старик Горан снисходительно объяснил потрясенному Тозо: никто из Паштровичей никогда не присвоит драгоценную чашу, а заезжий вор не посмеет воровать на земле Паштровичей – за это ждет его смерть лютая и неминуемая.

Старик Горан с одобрением относился к общению Тозо с Паштровичами: венецианец был умен и образован, молод и красив собой – такие пригодятся племени в общении с беспокойными соседями вроде Республики Святого Марка и венгерскими королями. Может быть, он все-таки позабудет о своей жене, примет правильную веру и женится на крепкой телом черной горке. Однако у Тозо были другие планы.

Он нашел пещеру у горы Голый Верх, в которой жил монах, хранивший святыню. Вход в пещеру был оформлен в виде встроенной в скалу часовни. Туда на молитву часто приезжала Анна с маленьким Гораном. Тозо, глядя на них, мучительно размышлял: как овладеть ларцем? Дело облегчалось тем, что старый Горан не афишировал обретение святыни: о ней, кроме него, Анны и Тозо, знал лишь монах-отшельник, ставший хранителем ларца. Оставалось ждать удобного случая. И он наступил на десятый год пребывания Тозо у Паштровичей.

Пришло ошеломляющее известие: Венеция уступила всю Далмацию королю Венгрии! За четыре года до этого скончался дож Андреа Дандоло, отец Анны, а спустя два года умер «царь сербов и греков» Стефан Душан, и его держава стала немедленно разваливаться на куски. Наместники Душана принялись утверждать свою независимость, земли вокруг владений Паштровичей перешли к правителю Черногории Балше. Балша и Венеция нуждались в Паштровичах для борьбы с венгерским королем, чьи владения уже достигли северного берега залива Бока ди Каттаро.

Вот кто может помочь Тозо отобрать святыню у Паштровичей – венгерский король! И Тозо решил отправиться на службу к венгерскому королю Людовику. Однажды рано утром в заранее приготовленной лодке он отправился на север. Пользуясь попутным ветром, он поставил парус и на следующий день вошел в бухту Рагузы Далматийской.

Глава 4

Итак, мой герой прибыл в Дубровник, известный в те времена под римским названием Рагуза. Дойдя до этого места, я сделал паузу и задумался. Честно говоря, мне не очень понятны некоторые поступки Тозо. Почему он, столь долго находясь в землях Паштровичей, так и не нашел способа овладеть ларцом? И почему к дальнейшим действиям он приступил много лет спустя? Что он делал до этого?

И тут вдруг меня осенило: а что, если Тозо был влюблен в Анну Дандоло?! Тогда все встает на свои места, все находит убедительное объяснение: именно из-за любви к Анне Тозо так долго находился в землях Паштровичей. Ему был нужен не ларец: он искал способ вывезти Анну из Далмации. И в земли Паштровичей Тозо вернется с карательным отрядом, отчаявшись иным способом отнять любимую женщину у Николы. А что, если сын Николы на самом деле был сыном Тозо? Неплохая история закручивается! Попробую позже переписать начало именно в этом ключе. А пока надо довести историю до конца. Итак, Тозо прибыл в Дубровник...

* * *

Формально в то время Рагуза, как и вся Далмация, находилась под властью венгерского короля, однако фактически, как и во всех далматских городах, Рагузой управляла местная знать. Тозо нашел прибежище в местном францисканском монастыре. Как образованный и умный человек, Тозо привлек внимание настоятеля. Они часто прохаживались вместе по тенистому клуатру, внутреннему дворику монастыря, беседуя на различные темы. Однажды Тозо затронул тайну пропажи иерусалимской и константинопольской частей Животворящего Креста. Настоятель внимательно посмотрел на него и повел Тозо в крипту, в которой хранились останки монастырских насельников. Настоятель указал на одну из плит, на которой, помимо обычной надписи «*requiescat in pace*», были выбиты арабские цифры: «1228».

– Это год смерти того, кто лежит под плитой? – спросил Тозо, перекрестившись. Ему показалось странным, что дата указана арабскими цифрами, а не римскими, как это было обычно принято.

– Нет, – отрицательно качнул головой настоятель. – Это не дата, это ключ к дате. Тут сокрыт день, когда утерянные части Креста Господня откроются христианскому миру.

– Но что эти цифры означают? – воскликнул Тозо, благоговейно прикасясь к выбитым цифрам.

– Это знал только монах, чьи останки покоятся под этой плитой, – ответил настоятель. – Но он велел выбить эти цифры на плите, зная, что в назначенный срок придет тот, кто сумеет их истолковать.

* * *

Ждать своего часа Тозо пришлось долго. Лишь спустя двадцать два года после своего отплытия из земель Паштровичей он снова вернулся туда, но уже в качестве проводника многочисленного вооруженного отряда венгерской королевской армии. Очередное обострение войны между Венецией и Венгрией привело к тому, что настойчиво продвигаемая Тозо мысль о нанесении удара по единственным не сложившим оружия союзникам Венеции в Далмации – племени Паштровичей – нашла отклик у старого короля, повелевшего «уничтожить гнездо проклятых разбойников». В начале лета 1381 года в бухту Будау вошли несколько кораблей,

с которых высадили присланный королем отряд под командованием молодого графа Германа фон Циллеи. За успешную экспедицию юному, но амбициозному графу была обещана должность бана, то есть правителя, Хорватии и Далмации. Отряд расположился лагерем на Будванском поле. Не было сомнений, что дозорные Паштровичей наблюдают с гор за венгерскими солдатами. Пользуясь отличным знанием местности и горных троп, Тозо, обманув дозорных, скрытно вывел часть отряда в тыл Паштровичам. Основные силы вышли днем позже, идя по следам разведывательного отряда. Застигнутые врасплох, Паштровичи попытались разгромить венгерских рыцарей у горы Голый Верх, но потерпели поражение: в решающий момент им в спину ударил основной отряд. Почти полторы тысячи Паштровичей стали жертвами карательной экспедиции венгерского короля.

Тозо с отчаянной храбростью в первых рядах венгров прорывался к подножию горы Голый Верх – туда, где в пещере за часовней хранилась вожденная реликвия. Однако, ворвавшись в часовню одним из первых, обыскав алтарь часовни и находившуюся за ней пещеру, Тозо, к своему огромному разочарованию, не обнаружил ларца. Никаких следов ларца и никаких признаков тайника, где его можно было бы спрятать! Разъяренный Тозо выбежал из пещеры в часовню. У алтаря умирал в луже крови монах, зарубленный кем-то из венгров.

– Где ларец? – спросил его Тозо по-черногорски: за долгое время пребывания у Паштровичей он неплохо выучил их язык.

– Спроси у Анны! – хрипло выдохнул монах. – А здесь его нет и не было. Ты ошибся, латинянин!

И монах испустил дух с саркастической усмешкой на залитых кровью устах. Тозо в ярости выбежал из часовни. Тайна ларца была так близко и вдруг выскользнула буквально из рук! Недалеко от часовни в окружении венгерских воинов отчаянно билась кучка черногорцев. Могучие уроженцы гор были на голову выше низкорослых венгров, но и среди них выделялся особенно крупным телосложением богатырь, сносивший ударом длинного тяжелого меча врагов, словно траву косой. Тозо сразу понял, кто это: черногорец был очень похож на Николу, которого Тозо увидел двадцать лет назад. Несомненно, это сын Николы и Анны. Надежда снова вспыхнула в душе Тозо, и он бросился в гущу сражения. Однако пробиться к сражающимся не было никакой возможности. Тозо увидел лежащее на земле тяжелое рыцарское копьё, подобрал его и принялся лихорадочно взбираться на склон горы. Тем временем черногорцев прижали к скале: их осталось только трое – израненных, истекающих кровью, но продолжавших яростно отбиваться от наседающего врага. Тозо оценил расстояние и с силой метнул копьё тупым концом вперед. Расчет оказался верным: копьё ударило точно в затылок самому рослому из черногорцев, и тот рухнул на землю.

Через пять минут все было кончено. Тозо спустился со скалы и из-под изрубленных тел вытащил потерявшего сознание от удара в голову сына Николы. Он озабоченно нащупал пульс на шее великана: есть! Жив!

Подъехал граф Циллеи, вытирая платком кровь с меча. Он подумал, что Тозо обыскивает мертвеца с целью найти хоть какие-то ценности, и усмехнулся:

– Оставь его, брат Джованни! Эти горные дикари бедны как церковные мыши.

– Нет, граф, мне нужно не содержимое его кошелька, даже если бы таковой у него имелся, – отозвался Тозо. – Этот человек жив и является моим пленником.

– Вот как? – удивился граф. – Тогда вам придется везти его с собой. Впрочем, одного из моих оруженосцев убили, и вы можете взять его лошадь. Сочтемся в Триесте.

Граф не дарил лошадь Тозо, а продавал. Но Тозо обрадовался: до Триеста путь неблизкий, а конь нужен здесь и сейчас.

– Нам пора, – озабоченно сказал граф. – Сегодня ночью к берегу подойдут корабли, чтобы забрать нас. Утром они уйдут в любом случае – с нами или без нас. Надо торопиться!

Тозо велел двум солдатам усадить бесчувственного сына Николы в седло, крепко к нему привязав могучее тело черногорца. Теперь сын Николы не свалится с лошади, а когда очнется, то не сможет сбежать. С шеи все еще находившегося без сознания парня свисал деревянный крестик на шелковом шнурке. Тозо снял его и осмотрел. Обычный деревянный нателный крест. Великоват, конечно, но для гиганта-черногорца – в самый раз. Крест был бы неотличим от тех деревянных крестов, которые часто носят на себе бедняки-христиане, если бы не шелковый шнурок и выступающие шляпки серебряных гвоздиков, вбитых в крест. Тозо надел крест себе на шею. В тот момент это было просто инстинктивное движение – чтобы крест случайно не потерялся.

С заходом солнца отряд выехал на берег моря в том самом месте, где тридцать три года назад чудесным образом спаслись Тозо и Анна Дандоло. Садящееся за море светило окрасило горизонт в кровавый цвет, словно оповещая всех о бойне у горы Голый Верх.

На берегу никого не было, лишь у спуска к пляжу на фоне багрового заката чернела фигура женщины. Тозо сразу понял, кто это, и, прищипорив коня, поскакал вперед, крикнув:

– Не трогать женщину! Она моя!

Тозо подъехал к Анне и сказал:

– Я привез твоего сына. Он жив, хотя пока без сознания.

И в доказательство своих слов показал крестик.

Проезжавший мимо граф со смехом крикнул Тозо:

– Брат Джованни! Можешь забрать себе и эту старуху, и все, что ты найдешь в лачугах по соседству. Я дарю тебе этот берег!

Венгерская солдатня одобрительным хохотом отозвалась на шутку предводителя. Тозо дождался, пока последний солдат пройдет мимо, и сказал Анне:

– Забирай сына и уходи. Только отдай мне ларец со святыней. Я пришел за ним. Настал срок обретения, и я избран, чтобы открыть святыню христианскому миру.

Анна улыбнулась, но ответила не сразу. Тозо даже испугался, что ее снова поразило безумие, как тогда, сразу после кораблекрушения. Но она ответила ему на венецианском языке, и Тозо понял, что она давно все вспомнила и сохранила разум.

– Ты ошибся, Джованни. Срок еще не настал. Я и сама не знаю, где сейчас спасший мне жизнь ларец со святыней. Но я знаю точно: святыня будет явлена. Но не тебе и не сейчас. Спасибо тебе за спасение сына. Я не держу на тебя зла, ведь ты более несчастен, чем я. Буду молиться за спасение твоей души. А ты вымаливай у Господа прощение за тех, кого ты сегодня обрек на смерть. Прощай!

Тозо, поколебавшись, принялся снимать деревянный крестик с шеи, но Анна жестом остановила его:

– Пусть останется у тебя.

И Тозо послушно спрятал крест за пазуху.

– Торопись! – озабоченно посоветовал он Анне. – Вам надо уйти, пока граф не выставил посты.

Тозо долго смотрел им вслед, пока Анна, ведущая под уздцы лошадь со своим сыном, не скрылась за ближайшим утесом. Затем, вздохнув, спустился на берег.

Солдаты обшарили и подожгли дома, находившиеся на большом острове и берегу. Их обитатели заранее ушли в горы, прихватив свой незамысловатый скарб и скот. Толстым каменным стенам домов огонь не мог причинить вреда. Скоро жители вернутся и снова поставят на каменные стены каркас из жердей, на который уложат упавшую с прогоревших крыш черепицу. Так было не раз и еще не раз будет.

Граф приказал выставить стражу и развести костры на большом и малом островах, чтобы обозначить в темноте подход к берегу для кораблей.

Солнце село, и навалилась темнота. Тозо опустошенно смотрел на огонь костра и думал: как так могло получиться, что он возвращается ни с чем? Усталость давала знать, и Тозо незаметно для себя погрузился в сон, распластавшись на еще теплой гальке. И вдруг он увидел идущую по пляжу женщину. Женщина приблизилась к костру. Это была Анна. Тозо оглянулся: на берегу горели костры, но никого не было. Тозо вдруг прошиб пот: неужели венгры уплыли, оставив его здесь?!

– Не бойся, – усмехнулась Анна. – Ты просто спишь. А я пришла к тебе во сне, чтобы закончить начатый разговор.

* * *

Тозо проснулся от толчка в плечо и вскочил, машинально хватаясь за висящий на поясе кинжал.

– Осторожнее, брат Джованни! – раздался голос графа Циллеи. – Ну и крепко же вы спите. Пора на борт, все уже погрузились.

Действительно, недалеко от берега на волнах покачивался крутобортый неф, освещенный светом факелов. Тозо сел в лодку вместе с графом и его оруженосцами. Гребцы налегли на весла. Полоса берега, местами освещенного угасающими кострами, удалялась. Сияющий звездами небосвод был снизу словно отгрызен неровным силуэтом черных гор. Куда теперь?

* * *

Корабли с отрядом Циллеи должны были идти к Триесту, чтобы там соединиться с армией короля. Но Тозо боялся встречи с королем – уж больно много он наобещал монарху – и упросил Циллеи высадить его в Рагузе по болезни.

– Боюсь не доехать до Триеста, – объяснил он графу. – Болезнь усиливается, а в Рагузе францисканцы вылечат меня в монастырской больнице.

– Как знаешь, брат Джованни, – отозвался граф. – Ты сделал то, что должен был сделать. Если у тебя были еще обязательства перед королем, о которых я не знаю, то это уже не мое дело. Если ты понадобишься королю, он сам тебя найдет. Прощай! И храни тебя Господь!

* * *

В монастыре Тозо поселился надолго, хотя собирался покинуть его побыстрее, опасаясь гнева короля за невыполненное обещание: ведь он не нашел ни святыни, ни даже части сокровищ Дандоло. Но вскоре пришло сообщение о смерти короля Лайоша, и Тозо успокоился.

Он почти безвылазно сидел в своей келье, молился и писал записки. Так прошло почти тридцать лет. Тозо стал дряхлым стариком, но незавершенная миссия продолжала держать его на этом свете. В год, когда дож Микеле Стено за сто тысяч дукатов купил Далмацию у венгерского короля Сигизмунда, Тозо исполнилось восемьдесят лет. В свите прибывшего в Зару венецианского наместника оказался внук Джованни Тозо – Гуидо. Когда Гуидо Тозо сообщили, что его хочет видеть лежащий на смертном одре монах-францисканец, он очень удивился, но не посмел отказать в просьбе умирающему. Когда богато одетый венецианец переступил порог маленькой кельи, он не думал, что через полчаса выйдет оттуда потрясенный, сжимая в руках деревянный, инкрустированный деревом и костью ларец, в котором лежали ставшие теперь фамильными реликвии: небольшая книжка в кожаном переплете, карта сокровищ Энрико Дандоло и деревянный крестик с серебряными гвоздиками.

* * *

Я не стал откладывать визит к Липатову в долгий ящик и уже следующим утром напросился к нему в гости.

Липатов скептически отнесся к моей гипотезе о любви Тозо к Анне Дандоло.

– Тозо был женат и любил свою жену, – возразил Липатов. – Они и года не прожили вместе, когда Тозо был вынужден покинуть ее и уже больше никогда не увидел. А ведь Тозо тогда было не больше двадцати лет.

– Да, это так, но он ведь был молодой мужчина и почти все время проводил в обществе юной и весьма привлекательной девушки, – возразил я. – Зато версия любви прекрасно объясняет некоторые странности в поведении Тозо.

– Подождите! – протестующе поднял руку Липатов. – Честно говоря, я не ожидал, что вас так захватит историю моего далекого предка. Поэтому мой рассказ о нем был краток, я опустил многие подробности и неясные места.

– Да, тогда вы вводили нас с Тавровым в курс дела и потому вынуждены были сообщить лишь суть, – согласился я. – Но сейчас мне нужны подробности. Как говорят французы, дьявол таится в деталях.

– Похоже, вы действительно вдохновились на новый роман, – усмехнулся Липатов. – Что ж... Вы созрели, чтобы увидеть подлинную рукопись Джованни Тозо. Одну минуту.

Липатов вышел из гостиной. Он отсутствовал не более пары минут и вернулся с двумя тетрадами в руках. Одну я уже видел: тетрадь профессора в дерматиновом переплете. Вторая тетрадь больше походила на книгу в кожаном переплете. От нее в буквальном смысле слова пахло древностью.

– Вот это и есть рукопись Джованни Тозо, – торжественно провозгласил Липатов, бережно положив древний манускрипт на стол. – Шесть с половиной столетий. Практически идеальная сохранность! Дядя хранил ее в коробке из специального картона. А вот как поколения предков умудрились сохранить рукопись в таком отличном состоянии – уму непостижимо!

– Можно? – спросил я. Липатов кивнул, и я взял в руки рукопись Тозо. Пергаментные страницы были заполнены ровными строчками слегка выцветшего текста.

– Обратите внимание, что текст разбит на пронумерованные римскими цифрами главы, – сказал Липатов. – И есть три главы, в которых после номера идет всего лишь одно слово. Главы двенадцать, двадцать пять и тридцать три.

Да, действительно: под римскими цифрами, обозначающими названные Липатовым главы, стояло лишь одно слово «bissa».

– Что это означает? – спросил я.

– Само слово на венецианском языке означает «змея», – ответил Липатов. – Но что оно означает в общем тексте рукописи, я не понимаю. По смыслу эти лакуны, вместо которых идет слово «змея», должны содержать ответы на те вопросы, которые вызвали у вас недоумение. Первое: почему Тозо так долго – двенадцать лет – провел в гостеприимном плену Паштровичей, хотя его в Венеции ждала семья? Ведь после смерти Андреа Дандоло в тысяча триста пятьдесят четвертом году больше никто не знал о миссии Тозо, и он мог спокойно вернуться. Но Тозо еще семь лет провел, ловя рыбу в окрестностях острова Сан-Стефан, называемого черногогорцами Свети Стефан. Почему? Второе: почему он так долго – еще двадцать лет – просидел безвылазно в монастыре францисканцев в Дубровнике? Третье: почему он, так и не найдя ларца с Животворящим Крестом, снова вернулся в монастырь и словно предвидел, что незадолго до смерти его посетит внук, которому он и передаст свое наследство? И четвертое: почему он, располагая картой сокровищ Энрико Дандоло, даже и не подумал завладеть хотя бы их

частью? А ведь даже сотая часть этих сокровищ сделала бы Тозо весьма богатым человеком. Почему?

– Надо обязательно выяснить еще какое-нибудь значение слова «bissa»: скажем, малоупотребительное или забытое, – поделился я размышлениями. – А что, если это ключ к какому-нибудь шифру? И нужно понять, что означает дата 1228 на могиле монаха в монастыре Дубровника. Мне кажется, это важно. Что было в 1228 году?

– Много чего... Что могло иметь отношение к истории с Животворящим Крестом? Попробуем прикинуть по ключевым словам: «Иерусалим, Константинополь, Крестовые походы, францисканцы». Для чего еще нужен Интернет, как не для оперативных справок?

Липатов подвинул к себе раскрытый ноутбук.

– Так, 1228 год... Родился король Иерусалима, Сицилии и Германии, герцог Швабии Конрад фон Гогенштауфен. Начался Шестой крестовый поход, Балдуин де Куртенэ стал последним императором Латинской империи, был канонизирован Франциск Ассизский.

– Вот, уже немало! – оживился я. – Возможно, надпись во францисканском монастыре связана с канонизацией основателя ордена.

Но Липатов скептически сощурился:

– Найдите место в рукописи, где пишется про эту дату. Как раз перед главой двадцать пять. Ничего не замечаете?

Я нашел указанное место. Четыре цифры, выписанные все тем же ровным почерком. Впрочем, не таким уж и ровным: между цифрами «1» и «2» большие интервалы, больше, чем между цифрами «2» и «8».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.